

ДУШИ ТАНЦУ

ИЗМЕНА
РАСТЕРЗАННОЕ СЕРДЦЕ

Лули Тан

Измена. Растерзанное сердце

<https://litres.ru/74227222>

Аннотация

Я слышу из переговорки мучительный женский стон, громкий шлепок, стон повторяется и превращается в частые ритмичные вскрики. – Вы там что устроили? Совсем что ли? – обрушиваюсь я на начбеза. Там что, охрана под шумок с какими-то девками развлечься решила? Я буквально отталкиваю его. – Лиза, не ходи туда, я прошу тебя! – нарушая субординацию просит начбез.

Я дергаю дверь в переговорку и замираю на пороге. На столе под моим мужем исходит на крик какая-то девица.

Мой Влад. Муж, с которым мы вместе прошли семь лет рука об руку.

Передо мной за секунду пронеслись кадры: его влюбленные глаза, его рука на моем животе, наш смех, когда было все плохо, фильмы под стареньким пледом.

Я как замороженная смотрела на спину Влада, будто надеясь, что он сейчас повернется и окажется, что я просто спутала, что это не он.

История о предательстве, измене и о том, на что готов пойти человек, пытающийся вернуть того, кого по-настоящему любит.

✓#ХЭ ✓#Эмоционально ✓#Развитие характеров

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Горькая полынь	7
Глава 2. Ярость	16
Глава 3. Погружение	24
Глава 4. Падение	33
Глава 5. Всё сложно	46
Глава 6. Гордыня и тщеславие	53
Глава 7. Конкурентное преимущество	59
Глава 8. Не спеши с выводами	65
Глава 9. Что такое жизнь?	72
Глава 10. Бесчестие	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

ПРОЛОГ

Я глубоко вдохнула, выдохнула, почувствовав, как разливается в груди пожар и поймав промежуток между ударов сердца, нажала на курок.

Бахнул выстрел. Он только дернул в удивлении бровью, словно до конца не верил, что я выстрелю.

– Почему именно она? – задала я вопрос.

– Она будто олицетворение всего к чему я стремился. Это как купить самый дорогой лот на аукционе, обойдя всех на этот лот претендующих.

Меня тряхануло. Я чуть было не пожалела, что захотела узнать ответы на эти вопросы. К горлу подступил горячий комок, который никак не получалось проглотить.

Я перевела ствол на голову Владу. Он это заметил и только как-то виновато улыбнулся и пожал плечами.

Я прицелилась в книгу, которую он держал в руке, стиснула зубы и выстрелила. Книга отлетела в сторону.

– Ты меня разлюбил? – задала я следующий вопрос.

– Нет. Это невозможно! – тут же ответил Влад. – Я люблю и всегда только тебя буду любить.

Пуля пробила книгу совсем близко к кисти Влада. Я видела, что это было чувствительно, но он спокойно взял следующую.

– Что я сделала для того, чтобы ты поступил так как по-

ступил? – спросила я.

– Мы с тобой как в параллельных реальностях находились. А она не только все понимала, но и целиком разделяла все мои устремления.

Я почувствовала, как повело руку с пистолетом. Пришлось опустить, перекинуть в другую и размять кулак. Пальцы подрагивали. От этих его слов глаза словно пелена какая-то застила.

– А ты думал, когда-нибудь, чего я хочу? – спросила я, пока еще не целясь и держала пистолет у бедра, понимая, что меня всю трясет и сейчас, если выстрелю, точно снесу ему башку. – Да! Конечно! Наш замечательный Влад! – продолжала я, – ему так важно, чтобы его поддерживали. А я все время пока мы с тобой жила твою жизнь, Влад. Твою, не свою. Думала только о том, что хочешь ты, только бы у тебя все получилось.

– Прости, меня. Не думал. Прости. Я только, когда ты ушла об этом впервые задумался, – ответил Влад и опустил взгляд.

– Ты просишь прощения, но зачем? Чтобы что?

– Чтобы ты осталась со мной, – не задумываясь, ответил Влад, – он так и стоял с книгой в руках, ожидая, когда я выстрелю.

– Зачем? Чтобы продолжить пребывать в иллюзии? Чтобы отыгрывать роль рядом с тобой? У тебя же теперь есть все, что ты хотел.

Я вскинула пистолет и выстрелила почти не целясь. Книга отлетела, и Влад взял следующую.

– Ты веришь мне? Или ты веришь тому, что сказала обо мне твоя сука?

Я целилась в следующую книгу. Влад медлил с ответом, всего лишь мимолетная тень сомнения в его глаза, но мне сразу стало ясно, что он сомневается и этого хватило, чтобы мое сердце дрогнуло, в коленках появилась слабость, в груди все сжалось, а руки задрожали. В таком состоянии я не должна была стрелять. Но я выстрелила.

Влад дернул плечом. Книга упала на землю, но не потому, что я в нее попала. Он ее выронил. Я попала во Влада. Я замерла и смотрела как его светлая футболка окрашивается кровью.

Глава 1. Горькая полынь

– Влад, милый, я так хочу провести свой день рождения с тобой. Только ты и я, дома. Как раньше. Посидим у камина, выпьем красного вина, послушаем музыку. Помнишь, как мы танцевали в той старой квартире? – я с надеждой заглядываю в глаза мужу, я не настаиваю, но прошу. Ведь это мой день рождения.

Но ему не нравится, когда я вспоминаю наше нищенское прошлое, когда он был никем. Он отводит взгляд и осторожно говорит:

– Ты же знаешь, я свои дела не в вакууме веду. Мне нужно использовать любой повод, чтобы партнеры чувствовали себя непринужденно, так намного проще решаются дела. К тому же, мы можем после вечеринки посидеть у камина. Прости, малыш, мне пора.

Я смотрю на нас в зеркале, что занимает всю стену напротив.

Влад brutally красив. В свои двадцать семь лет он словно матерый викинг. Я рядом с ним выгляжу хрупкой, невесомой, у меня золотистые с рыжиной волосы, голубые глаза. Стою, задрав голову, смотрю снизу вверх на своего завоевателя. Влад называет меня породистой аристократкой, а еще принцессой.

Называл.

Влад чмокает меня в лоб и уходит.

А я смотрю ему вслед и чуть не плачу. Мы всегда были так близки, когда я перестала быть для него принцессой? Что я сделала?

Наш дом. Вечер. Мой день рождения. Играет музыка. В гостиной нарядные люди. Слишком шумно. Слишком много людей. Торжество пафоса. Я это ненавижу. Мне так одиноко в этой толпе. И я не могу найти Влада.

Сейчас мне тесно в нашем огромном доме, где в обычный день, при желании, можно ни с кем ни разу не столкнуться. С самого утра в виске расцвел огненный пульсирующий цветок и сейчас, к вечеру, я уже ни о чем кроме этой головной боли думать не в состоянии.

Я ищу в этой толпе хоть чей-то добрый и внимательный взгляд. Ни одной искренней улыбки. Ни одного честного взгляда. Какая-то безумная игра, где ничего кроме денег не имеет значения.

– О, платье от шанель из последней коллекции. Да, я погляжу, муж вас балует, дорогуша, – шепчет мне на ухо какая-то светская мадам.

Платье, и правда, от шанель и стоит больше миллиона. Я ахнула, когда мне привезли его на дом. Только оно совершенно не шло мне. Я хотела было отказаться, но слова Влада добились:

– Малыш, ты должна выглядеть так, как положено жене самого молодого миллиардера.

Платье было светлым, совершенно неподходящего мне оттенка, я в нем была похожа на блеклую моль. Зато оно было самым дорогим и, по мнению Влада, именно поэтому шло мне. И эта тетка, что шепчет мне на ухо, тоже видит ценник платья, а не меня в нем.

Как же я устала от всего этого. От денег, которые на нас свалились, от успеха, который я терплю, потому что Влад, мой муж, так долго его добивался.

Мне хочется спрятаться. Найти хоть какой-нибудь угол, в своем же доме, чтобы хоть на миг укрыться от всего этого блеска, от высоты человеческих достижений и нищеты человеческого духа.

Да куда же запропастился Влад? Я начинаю беспокоиться. Знаю, он может успокоить меня объятием, прижмет к себе, скажет: «Ну что ты, принцесса, я же рядом. Я всегда рядом. Ни о чем не беспокойся». Да, и тогда я смогу еще немного потерпеть до конца вечера. А потом мы сядем у камина, включим медленную музыку, может, станцуем, а может, я спою ему.

Я не видела мужа уже пару часов. Оставил меня одну отбиваться от неискренних поздравлений и от подарков, которые эти люди даже не выбирали сами, озадачив своих помощников или секретарей.

Ложь, гордыня, порок – все звенит бокалами, сверкает золотом и камнями. И ни одного близкого человека, чуждые мне люди. Влад, где же ты? В попытке убежать от этого я отбиваю каблуками женский марш по дубовому паркету, спешу спуститься на минус первый этаж, где у нас комнаты для отдыха охраны и дежурка службы безопасности. Здесь же переговорная, где обычно проводятся собеседования для найма персонала. Туда мне и нужно. Сейчас это единственное место в доме, где точно никого не будет и можно хоть немного побыть в тишине и наедине с собой.

Только заведя меня в коридоре, из дежурки выскакивает начальник нашей службы безопасности, Игорь Сергеевич, и буквально преграждает мне дорогу. Он такой мощный, что занимает весь проход. У него добрые глаза, а еще черные усы, он напоминает мне папу. И чувство от него такое же – защищенности.

– Елизавета Андреевна, что-то случилось? – встревоженно спрашивает он, а сам невольно оборачивается, куда-то вглубь коридора, и будто к чему-то прислушивается. И я сразу угадываю – что-то не так.

– Все в порядке, Игорь Сергеевич, я в переговорку. Оттуда еще диван не убрали? – начбез лет на двадцать меня старше, отставной офицер, и я всегда обращалась к нему на «вы». Это вежливо.

– Елизавета Андреевна, там сейчас не убрано.

– Все равно.

Я пытаюсь пройти, но он делает шаг в сторону, снова преграждая мне дорогу. Это уже начинает злить.

Я заглядываю за его плечо и вижу, что дверь в переговорную закрыта неплотно. Что-то здесь не так. Даже отсюда я слышу оттуда какую-то шебуршню. Сердце начинает колотиться от тревоги.

– Игорь Сергеевич, пожалуйста, – прошу я его.

– Не нужно вам туда, Елизавета Андреевна, я прошу вас, – я вижу, что слова эти ему даются с трудом.

– Что происходит? Я знаю, что вы прячете что-то, что-то нехорошее. Пустите! Сейчас же! – меня начинает штормить.

– Лизонька, не сейчас. Пошли я отведу тебя в твою комнату, – говорит мне Игорь Сергеевич. Очень фамильярно, жалостливо, отечески. И мне снова хочется плакать.

В этот же момент я слышу из переговорки мучительный женский стон, громкий шлепок, стон повторяется и превращается в частые ритмичные вскрики.

– Вы там что устроили? Совсем что ли? – обрушиваюсь я на начбеза. Там что, охрана под шумок с какими-то шлюхами развлечься решила? – Уйди с дороги, пока не вылетел отсюда!

Я буквально отталкиваю его.

– Лиза, не ходи туда, я прошу тебя! – нарушая субординацию и все возможные правила, с каким-то отчаяньем в голосе просит начбез.

Я дергаю дверь в переговорку на себя и замираю на поро-

ге.

Упершись руками в стол, широко расставив ноги и отклячив задницу, под моим мужем исходила на крик какая-то сука. Влад со спущенными штанами с остервенением драл ее сзади.

Мой Влад. Муж, с которым мы вместе прошли семь лет рука об руку.

Передо мной за секунду пронеслись кадры: его влюбленные глаза, его рука на моем животе, наш смех, когда было все плохо, фильмы под стареньким пледом.

Он с жаром, с дикой похотью вколачивался в какую-то мразь.

Почувствовала вкус соли: по моим щекам бежали слезы.

Я не могла пошевелиться. Меня будто парализовало. Я даже не могла в полной мере осознать происходящее. Будто смотрела какое-то глупое кино и никак не могла сообразить, что это все по-настоящему. Это реальность. Это происходит на самом деле.

Я как замороженная смотрела на спину Влада, будто надеясь, что он сейчас повернется и окажется, что я просто спутала, что это не он.

Он продолжал драть эту шлюху, а я ничего не могла с собой поделать и продолжала смотреть.

– Лизонька, – услышала я шепот позади себя и, наконец, очнулась.

Эти двое даже не замечали меня, так были увлечены друг

другом. Я резко обернулась, передо мной стоял начбез.

«Он, что, вздумал меня сейчас увести отсюда?» – проскочила мысль.

И в тот же момент я выхватила из его наплечной кобуры пистолет, в два движения сняла с предохранителя, передернула затвор и ткнула ствол Игорю Сергеевичу в лоб.

Оружием я владела превосходно, Игорь Сергеевич сам меня учил и потому даже не дернулся. Видимо, я выглядела безумной, я и чувствовала себя безумной.

– Исчезните! – крикнула я ему и этим, наконец, привлекла внимание любовничков.

Шлюха повернула голову. По-моему, у нее течка головного мозга. Глаза совсем дикие.

Я повернулась и направила на них пистолет. Сучка вскрикнула, взгляд у нее стал проясняться. Влад, не понимая, что происходит, обернулся и глянул на меня.

Только сейчас я заметила, что он пьян вдрызг. Он не мог сфокусироваться на мне и, кажется, даже не узнавал. Он даже бровью не повел, увидев направленный на него ствол.

Он как-то разом обмяк, сел на диван по-прежнему со спущенными штанами. Девушка смотрела на меня, замерев от ужаса.

Я тяжело дышала, по лицу бежали слезы, в груди горело сердце. Казалось, я не выдержу этой боли. Я никогда не смогу больше улыбаться. Я никому больше не смогу верить. Как же больно. Как же, черт возьми, мне больно!

Я хотела убить их. Водила пистолетом то на нее, то на него.

Ненавижу. Ненавижу!

Бо-ольно!

– Лизонька, у тебя вся жизнь впереди. Твоя жизнь, не стоит тратить ее на них, посмотри на них, они тебя не стоят, – сказал сзади Игорь Сергеевич. – Отдай мне пистолет, девонька.

От его ласкового голоса, от этой заботы я будто очнулась. Вернула предохранитель на место и еле слышно, будто меня разом оставили силы, сквозь зубы процедила:

– Пошла вон, тварь.

Ее не нужно было долго просить. Она схватила свои шмотки с пола и поспешила выскочить в коридор.

Я только успела заметить, что девица очень красива. И красота эта животная, похотливая, сложно ей не поддаться. Роскошные черные волосы почти до поясницы, большая упругая грудь идеальной формы, словно две увесистые застывшие капли, совершенно плоский живот, изящная талия, подчеркивающая округлость бедер и длинные стройные ноги. Я рядом с ней была утонченной холодной аристократкой, изящной, элегантной, но не такой, как она, поражающей своей откровенной, неприкрытой страстной натурой.

Она глянула на меня, проходя мимо, и даже несмотря на то, что я еще держала пистолет в руке, хоть и не целилась, в этом взгляде не было страха, только неприкрытое чувство

превосходства языческой богини перед простой смертной.

Начебз аккуратно забрал у меня пистолет и убрал в кобуру. Я смотрела на мужа, тот, запрокинув голову, уже во всю храпел на диване.

Там, наверху, все еще продолжалось празднование моего дня рождения. А здесь, внизу, рождалась какая-то новая я, незнакомая самой себе, с черной холодной пустотой внутри и на клочки растерзанным сердцем.

«С днем рождения, Лиза», – поздравила я сама себя, и по щекам новой силой побежали горячие и не соленые, но горькие, словно полынь, слезы.

Глава 2. Ярость

Измученная тупой, непрекращающейся болью в душе, я уснула только под утро, задремала на часок, но так и не поняла, сон это был или бред.

Солнце через окно провело свое теплой ладонью по щеке, и я открыла глаза. Это утро должно было быть ласковым и умиротворенным. Самая серединка лета, за окном щебечут веселые птицы, теплый ветерок слегка колышет шторы. Но вместо того, чтобы по обыкновению радоваться этому, я испытываю холодный ужас. На меня разом обваливаются воспоминания вчерашнего дня, и я тут же начинаю задыхаться, словно меня придавили бетонной плитой.

Я села на кровати и спустила ноги на пол. Сил подняться не было. В горле застрял тяжелый ком невыпущенных на волю рыданий. Почему-то не плакала совсем. Я кое-как встала на ноги. Голова кружилась и непонятно от чего, то ли от недосыпа, то ли от того, что весь мой мир сейчас треснул, как стекло от удара, и осыпался блестящими острыми осколками и теперь и шагу не сделать, чтобы не порезаться и не истечь кровью.

И в довершении столь прекрасного утра дверь распахивается и входит Влад. Его лицо помятое, взгляд затуманен, смущенно улыбается, словно капельку виноват, и жена вот-вот простит его. Вижу, что он еще не протрезвел даже после

сна и пока не мучается похмельем.

Стоило мне его увидеть, как ярость заклокотала в горле, растворяя комок сдержанных рыданий в горле. Я вижу его тело в унисон с другим телом, его руки на бедрах той шлюхи. И эта его улыбочка, будто ничего такого не произошло – меня будто наизнанку от отчаяния, боли выворачивает, а он...

– Лиза, прости, что-то я вчера перебрал, вырубил в переговорке, даже не помню, как я там оказался, – он подходит ко мне как ни в чем ни бывало и пытается поцеловать в щеку.

Со всего размаху я отвешиваю ему звонкую пощечину и, кажется, он мгновенно трезвеет.

Влад смотрит на меня осоловевшими глазами, видимо, искренне не понимая, что происходит.

– Лиз, ты чего, ну, нажрался, что за реакция?

– Ты даже не помнишь? Боже! Ты даже не помнишь!

– Что не помню? Ты белены объелась? что ли? – я замечаю? как на этих словах взгляд его немного проясняется, будто он понемногу начинает вспоминать.

И реальность случившегося меня пронзает разрядом новой боли. Это было. Мой муж, самый близкий мне человек предал меня, променял на другую. В нашем доме. В мой день рождения.

– Я не понимаю, как ты мог. После всего, что между нами было. Что я тебе сделала, что ты так со мной? – шепчу я, опускаюсь обратно на кровать, упираюсь локтями в колени и обхватываю голову руками.

Он молчит. Молчит слишком долго. Видимо, прокручивает вечер снова и снова. Он был пьян, я это видела, но разве это оправдывает его?

– Лиза, хорошая моя, объясни, что я натворил? – он садится передо мной и берет мои руки в свои. Как будто он этими руками не тискал за бедра и черт знает еще за что ту тварь. Я выдергиваю руки, кривлюсь от отвращения. Все важное мне – опоганено.

– Ты еще и не помнишь! Боже мой, – я вскакиваю с кровати иду к двери и уже из коридора зову, – за мной иди, сам все увидишь.

Я спускаюсь на минус первый этаж. Залетаю в дежурку, где со вчерашнего вечера так и не сдал смену Игорь Сергеевич.

Тот сразу опускает глаза, будто сам в чем-то виноват. Здесь же еще два охранника. Оба смотрят на меня, но тут же отводят глаза, когда пересекаются со мной взглядами.

«Стыд-то какой, – несется в голове, – они все всё уже знают».

Следом входит Влад. Вся охрана разом вскакивает со своих мест, разве только, что не берут под козырек.

– Игорь Сергеевич, выведите на монитор с камеры наблюдения из переговорки, – прошу я начбеза.

– За какой период? – спрашивает начбез.

– Игорь Сергеевич, пожалуйста, не надо. Вы ведь знаете, о чем я говорю, – прошу я его, взглядом умоляя сделать все

как надо без лишних слов, у меня нет на них сил. И в его потеплевшем взгляде читаю «Понял, береги себя, Лизонька».

– За мной, – командует он охранникам, и мы остаемся с Кононовым в дежурке вдвоем.

Влад стоит за моим плечом, я вижу на мониторе то, чего еще не видела. Вот он с той сучкой входит в переговорку. Вот она встает перед ним на колени, а мой муж расстегивает ширинку. Вчера я мало что соображала и не узнала эту брюнетку, но теперь ее лицо кажется мне знакомым. Я точно ее видела, я точно ее знаю, но никак не могу вспомнить, откуда знаю и где видела.

Она открывает рот, и я разворачиваюсь и вылетаю из дежурки, оставляя Влада наслаждаться этим поганым зрелищем.

Он стоит совершенно ошеломленный и не двигается, будто окаменел.

Мне душно, мне нечем дышать, сердце колотится так, что кажется будто сейчас проломит грудную клетку. Почему мне больно? Почему мне, черт возьми, больно? Я разведусь, я уеду, он недостойн, тут все ясно, я все решила. Но почему же так больно-то?

Я поднимаюсь на первый этаж, в холле пересекаюсь с горничной. Та отводит взгляд, но я замечаю то ли ухмылку злорадства, то ли гримасу сочувствия. «Стыд! Позорище! – снова мелькают отчаянные мысли, – все всё знают, весь персонал уже в курсе, это чудовищно».

Я выбегаю во двор, не зная куда себя девать. Мне никогда не хотелось жить в роскошном огромном доме с кучей прислуги, охраны, водителей. Мне не нравилось, что в нашем доме всегда есть кто-то посторонний, словно это не мой дом, и вот, когда мне плохо, я не могу остаться одна, и все они знают, о чем я горюю. Я буквально не могу найти ни одного места во дворе, размером чуть ли не с футбольное поле и массой закутков, ни одного места, чтобы с кем-нибудь не столкнуться. Здесь садовник, здесь монтажник, там водитель, дальше повара, в доме по горничной на этаж, охрана и еще какие-то люди, которые я даже не знаю, чем у нас занимаются.

Отдельный дом для персонала в три этажа. «Зачем все это? – несется в голове, – зачем они нам были нужны, зачем нам этот огромный дом, чтобы что? Зачем, если здесь невозможно остаться наедине с самим собой?».

Меня укрывает яблоневый сад. Здесь я сажусь на скамейку в беседке, обвитой хмелем, и пытаюсь перевести дыхание. Но не проходит и десяти минут, как появляется Влад.

Он явно не в себе. Бледный и, черт его поймешь, злится он или что еще. «Если злится, – думаю я, – если он сейчас еще и найдет причину, чтобы позлиться, я точно его пристрелю».

Не удивительно, что он так быстро меня находит, эта беседка всегда была моим убежищем.

– Лиза... – он входит в беседку.

– Уйди, я не хочу... я не могу говорить с тобой.

Он опускается на колени.

– Лиза, хорошая моя, Лиза, прости меня.

– Что? – я удивленно поднимаю брови. Быть может, я должна кричать, но я такого себе не могу позволить, это что-то низкое, что-то грубое, это унизит меня, поэтому я просто поднимаю брови там, где должна кидаться на него и кричать: – простить? Вот так вот взять и простить? Прямо сейчас, да? Ты как это себе вообще представляешь?

– Я не знаю, как так получилось? – еле слышно бормочет он.

– Это получается, когда мужику надоедает его жена, и он по какой-то причине считает, что можно не расставаться с ней, сказав все прямо в лицо, а начать ей лгать, обманывать.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. И все вообще не так.

– Нет, Влад, не понимаю. Я сейчас, знаешь, как-то так получилось, вообще ничего не понимаю и понимать не хочу. Представляешь?

– Представляю.

– Я тебя прошу, уйди, я не могу тебя видеть. От твоего вида мне плохо.

– Лиза, прости.

«Его заклинило, что ли?», – думаю я. Меня удивляет простота его подхода. Это заевшее «прости».

– Я все исправлю, – добавляет он.

– Что ты исправишь, Влад? – отвечаю я устало. Я и правда вдруг устала от этого бессмысленного и какого-то бесчув-

ственного разговора. – Как это вообще можно исправить?

– Я люблю тебя.

Я вскакиваю на ноги и вылетаю из беседки. Это уже слишком. Когда любят, не трахают других. Как он смеет еще и это слово пачкать.

– Лиза постой, – он выходит за мной.

– Не ходи за мной!

– Я люблю тебя, слышишь, я только тебя люблю, это помутнение какое-то, я ничего не соображал, Лиза, детка, послушай меня.

Я несусь к гаражу, Влад спешит за мной, все приговаривая:

– Ты же вся моя жизнь, прости меня! Что мне сделать? Скажи, что мне сделать, чтобы ты простила?

– Ты уже все сделал. Все сделал, чтобы унижить меня, чтобы уничтожить наши счастливые годы жизни, чтобы растоптать любовь и сломать мою жизнь. Пожалуйста, оставь меня.

– Тогда ты простишь меня, принцесса?

Я смотрю на него, как на сумасшедшего. У него обезумевший взгляд, он несет какую-то пургу, он смотри на меня умоляюще. Ему что больно? Поверить не могу.

Гараж открыт. Конечно, здесь же обязательно кто-то должен быть. Например, механик, которому срочно потребовалось покопаться в одной из машин, черт бы его задрал.

Я прыгаю в свой «порш» и завожу двигатель.

Влад встает перед бампером и упирается руками в капот.

Я понимаю по его губам, по его абсолютно дикому виду, что он пытается мне сказать: «Я не отпущу тебя».

Я давлю на газ, он бросается на капот. Выношу его на капоте из гаража и бью по тормозу. Влад слетает с капота. Снова топлю педаль газа в пол, не осознавая в своей ярости, что пытаюсь его задавить. Он вовремя перекачивается в бок, едва не оказавшись под колесами.

Выруливаю к воротам. Охранник в дежурке у ворот, уже заведя бешеный «порш» спешит открыть ворота, жмет по кнопке открытия на пульте.

Створки расходятся слишком медленно, но я только поддаю газу и вылетаю со двора, с корнями вырвав оба боковых зеркала об створки ворот.

Глава 3. Погружение

«Ну, не станет же она меня давить, – успеваю я подумать, слетая с капота и слышу, как взрывается рыком двигатель ее «порше», – станет!». Я перекатываюсь кубарем в сторону. Лиза даже глазом не моргнула, и я не мог поверить, что это Лиза, что это моя нежная, такая ранимая хрупкая кроткая девочка. Этого просто не может быть, там за рулем точно не она, там какая-то бешеная самка богомола, не меньше.

Ко мне подлетает начбез и помогает подняться:

– Владислав Александрович, вы как?

– Да так, будто меня только что чуть машиной не переехали.

Башка трещит, будто в нее насыпали битого стекла. Не могу понять от похмелья или от того, что приложился головой, когда скатился с капота.

– Помощь нужна?

– Спасибо, Сергеич, я в норме.

Тот с сомнением качает головой. Действительно, какая уж тут норма.

Кое-как будто подстреленный, я добираюсь до своего кабинета и без сил бухаюсь на кресло.

В голове полный бардак. Я понимаю, что это катастрофа, но еще не осознаю ее масштабов. «Как я мог так облажаться? Это же надо было притащить Линду в переговорку. Под

камеры! Когда дом полон гостей! В день рождения жены!», – каждый этот довод словно очередной осиновый кол, вбитый в сердце.

Я ни хрена толком не помню. Только когда увидел запись с камер, в голове как-то прояснилась вчерашняя картина, но какая шлея попала мне под хвост, что я учудил подобное, сообразить так и не мог.

«Твою мать! Что же мне теперь делать?», – на это заданный самому себе вопрос я ответить сейчас оказался не в состоянии.

Но вдруг меня окатило ужасом: я вдруг ясно осознал, моя хрупкая Лиза это видела. Стояла и видела, как я... Я схватился за грудь. Как она это переживет? Ее злость меня в какой-то мере успокаивала. Потому что если бы она плакала, если бы смотрела на меня своими распахнутыми нежными глазами, полными слез и боли, я бы не знаю, что сделал. Но Лиза злится, это не похоже на мою девочку и это придает ей силу. Пусть я эгоист, но мне спокойнее.

Здравый смысл подсказывал, что нужно подождать, когда буря хоть немного уляжется. Да и мне нужно прийти в себя. На столе стоит непочатая бутылка коньяка. «Клин клином», – решаю я и плескаю себе коньяка. Это будет первый раз в жизни, когда я похмеляюсь. Никогда себе этого не позволял, зная, что ничего хуже быть не может, чем похмелиться на другой бок.

Смотрю на свет через бокал и опрокидываю в себя. Уже

через минуту пять становится легче, мысли проясняются и вместе с этим из памяти всплывает картинка: съемная убитая квартира с бабушкиной мебелью, скрипучий диван, липкий от накопившейся усталости линолеум, постеленный поверх пропахнувшего старостью и какими-то лекарствами деревянного пола. Я стою в дверях и смотрю как Лиза на четвереньках пытается отмыть этот проклятый линолеум. Я погружаюсь в воспоминание будто меня туда затягивает трясина, та самая трясина из которой я едва вылез и вытащил нас с Лизой.

Пять лет назад

– Привет, – я закрываю за собой дверь.

– Ой! – вздрагивает Лиза, – не слышала, как ты вошел.

Привет.

Лиза выжимает тряпку в ведро и продолжает оттирать пол. Она милая – у нее голубенький короткий халатик, золотистые волосы собраны наверх, она даже дома старается выглядеть красиво. И меня это каждый раз приятно поражает – н дает привыкнуть к ней. Только вот Лиза красивая, а обстановка, в которой мы живем – ей ни капли не подходит. Вот и сейчас, моет старый линолеум.

– Да ему уже ничего не поможет, – говорю я ей.

– Надо отмыть, мне ходить по нему противно.

– Ходи в тапочках, как я.

– Ненавижу ходить в тапочках, ты же знаешь.

Я знаю, тапочки она считает не подходящей для себя вещью. Я все знаю, моя девочка. Знаю, что и у меня уже нет никаких сил жить здесь, но денег не хватает не только на то, чтобы снять что-то получше, их вообще ни на что не хватает. И это изматывает больше всего. Хотя в петлю лезь от отчаянья. Был бы один, наверняка не так бы меня эта неустроенность заботила. Но Лиза! Я смотреть не могу на то, как она пытается хоть как-то устроить наш быт, привнести хоть какой-то уют.

– Есть будешь? – спрашивает Лиза и идет с ведром в ванную.

Я слышу, как она выливает воду и моет руки.

Иногда, я задаюсь вопросом, почему этот чудесный человек все еще со мной рядом. Она заслуживает намного больше, чем эта облезлая съемная квартира, постоянная нехватка денег и муж, который вроде бы весь в науке, что само по себе должно обеспечить достаток, не может ничего толком не заработать.

Неужели держится на одной вере в меня? Неужели настолько любит? Но, чтобы держаться на вере, нужны хоть какие-то подтверждения состоятельности время от времени. Как это, например, у моего друга Макса Рихтера с его женой Лорой. Может, Лиза, считает, если мы с ним друзья, если вместе работаем над некоторыми проектами, если оба мы математики, тогда и у меня все получится. Получается же у Макса.

– У тебя все получится, Влад, – шепчет мне в минуты отчаяния Лиза, смотрит на меня голубыми глазами, полными восхищения, и я снова верю в себя. Обнимаю ее, целую в маленькое ушко и говорю:

– Потому что ты со мной, моя принцесса.

Так было пять лет назад. Какого же черта я так облажался?

Мы выживали в той гребаной нищенской квартирке. А я работал над одним проектом и помощи ни от кого не ждал, хоть в минуты отчаяния я готов был отбросить гордость и обратиться к Максу Рихтеру.

Макс Рихтер – гений. Без преувеличения – великолепный разум. Он может обеспечить Лоре достойное существование одними своими научными публикациями, да еще и постоянные победы во всех крупных шахматных турнирах с их приличными призовыми чего стоят.

А мне до гения далеко, да и плевать мне было на гениальность. Я хотел денег. Я хотел отвоевать свой кусок жизни. Для себя и моей Лизы.

И возможность этого я видел в одном сложном проекте. Но если у меня все получится – это будет настоящий успех. Все тогда изменится в нашей с Лизой жизни. Моя система криптографической защиты для закрытых линий связи может как принести мне баснословные барыши, так и погубить меня окончательно.

Этот проект – был инновацией, он мог бы стать прорывом на рынке. Но, когда что-то настолько новое, есть риск,

что проект потерпит неудачу. Если удастся продать технологию, то она потянет за собой создание сложнейшей инфраструктуры, которая на длинной дистанции принесет денег еще больше, чем сама технология. Но пока все это только мечты. Которые день ото дня кажутся мне все более недосягаемыми.

И пока я решал свою задачу, пока бился над этой идеей, Лиза была рядом и убеждала меня не бросать. Она всегда вникала в детали дела, хмурилась, черкала на бумажке что-то и старалась понять меня. Ясно было, что ничего ей непонятно, но меня так грело, что ей было не все равно, что она так старательно пытается хоть как-то вникнуть. Я бросал объяснения, хватал ее и тащил в спальню.

Лиза ставит на стол сковородку с жареной картошкой, садится и смотрит на меня такими глазами, будто я всего уже добился. Я не знаю, где я бы был, если бы не моя прекрасная жена. Спился бы уже давно и сдох под забором, как и полагается вечному неудачнику.

Сегодня, наконец, я решил проблему, которая не давала мне закончить начатое. Защиты была готова. Но вместо эйфории вместо того, чтобы закричать – эврика! Я погрузился в еще большее отчаянье. Пока шла работа, была какая-то цель и мне виделось, что как только я закончу, сразу моя жизнь изменится. Но ничего не произошло. Да и что могло произойти оттого, что решено уравнение? Теперь предстояло реализовать решение на практике, а я понятия не имел,

что предпринять.

– Как успехи? – спросила Лиза, наливая в кружку чай.

– Я сделал это, – ответил я без какого-либо энтузиазма.

– Решил?! – вскрикнула Лиза.

– Решил.

Она вскочила со стула, чуть не опрокинув на себя кружку и, словно ребенок, захлопала в ладоши.

– Так чего ты мрачный такой? Ты же так мечтал об этом!

Как ей сказать, что мечтал я о другом? Что мечтал и мечтаю я по-прежнему о том, что мне не нужно больше заниматься наукой и считать копейки, что мечтал я о том, что дело всей жизни сразу осыпет меня всеми благами мира, а я до сих пор сижу на этой убогой кухне и ем эту опостылевшую жареную картошку.

Но Лизу не остановить. Она рада так, будто все уже случилось. Будто я уже вытащил нас из прозябания. И это ее настроение понемногу передается и мне. И вот я уже смотрю, как она прыгает, пританцовывает, и сам понемногу начинаю верить.

– Влад, это же только начало, но ты уже сделал самое важное, вот увидишь у тебя все и дальше получится, я это точно знаю.

Она садится ко мне на колени и целует в щеку.

– Если и получится так только благодаря тебе, моя хорошая, – шепчу я ей на ухо.

И я нисколько не лукавлю. Все всегда благодаря ей. Ее ве-

ре в меня, ее поддержке, ее любви, ее свету, который светил мне даже когда казалось – никакого больше света в этой черной вселенной не осталось.

– Знаешь, я иногда думаю, может мне лучше открыть палатку и шаурму продавать? Это точно быстро окупиться и принесет хоть какие-то деньги? Может, я не тем занимаюсь?

– С ума сошел, Влад? Ну, какая шаурма? Ты же математик, – Лиза смотрит на меня своими голубыми глазами, и я в этих глазах я вижу, что она не допускает даже возможности моего поражения.

– Это Макс Рихтер – настоящий математик, а я так, по сравнению с ним как школьник по сравнению с профессором.

– Макс – гений, Влад. А гений – это немного другое. Ему не нужно прилагать усилий, а тебе приходится биться, от того и достижения твои будут иметь куда большую ценность. Не сравнивай себя ни с кем. У тебя свой путь, и я знаю точно, что твой путь будет блестящим. Хотя я этого и боюсь немного.

– Почему боишься? Чего именно ты боишься, Лиза?

– Как говорится, жена познается в бедности, а муж в богатстве. И когда вокруг тебя все засияет и заблестит, когда ты сможешь позволить себе все что захочешь, когда любая женщина будет готова исполнить любое твоё желание, кем для тебя останусь я?

– Лиз, ну, чего ты несешь? Если я чего-то и хочу добиться,

так только ради тебя. Нет и не будет у меня никого кроме тебя. Ничто не имеет смысла без тебя. И никто, и никогда не сравнится с тобой. Я люблю тебя, Лиз.

– Навсегда любишь? – спросила она и в глазах ее блеснуло лукавство напололам с затаенной тревогой.

– Навсегда.

Она боялась моего успеха, моего богатства, и ее страхи сбылись.

Глава 4. Падение

Я каталась на машине по городу до самого вечера. Собрала все возможные штрафы с дорожных камер наблюдения, два раза чуть не угодила в аварию. В какой-то момент мне даже хотелось влететь в какую-нибудь бетонную стену, чтобы все закончилось быстро и неожиданно.

Я не могла никак остановить эту боль. Я не могла остановиться хоть на какой-то мысли. В меня не помещалось это предательство: почему? Как это стало возможным для нас? Когда «мы» стали для Влада настолько неважны, что он впустил в «мы» еще кого-то?

Как заканчивается любовь? Почему он не сказал мне: я тебя разлюбил? Почему так трусливо – за моей спиной? Он же сильный, умный, честный – как это стало допустимым?

Вопросы-вопросы крутились в голове, и ответов не было, только вспышки боли, разрывающей на осколки сердце.

Я чувствовала, что умираю. Не физически, а все живое во мне: боль выжигала мой опыт, мои мысли, мои желания. Крутились строчки стихотворения, я даже не знаю, откуда я его знала:

*Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», - отвечают.*

*Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь*

*заледеленую!
 Вот что ты, милый, сделал мне!
 Мой милый, что тебе — я сделала?*

«Мой милый, что тебя — я сделала?» - повторялось во мне снова и снова, снова и снова. Я нашла в интернете стих, оказался Цветаевский, и заучила наизусть, каждая строчка резала мне вены.

И только когда солнце начало падать за горизонт, я привыкла к боли, из острой она превратилась в ноющую, тупую, и в голове немного прояснилось, и я взяла себя в руки и начала думать о том, что мне делать дальше. Как устраивать свою жизнь.

Хотелось все бросить к чертям и просто исчезнуть, чтобы закончить ситуацию, выскочить из нее разом. Но что-то мне подсказывало, что так не бывает. Что я буду мучиться неизвестностью, кто эта женщина. Была ли она одна. Почему все это случилось? Из-за чего? Как долго длится?

Как бы больно мне ни было, я хочу все узнать.

Ясно мне было одно. В этот опороченный, испоганенный дом я не вернусь. Не могу. От одной мысли об этом меня сразу мутило. Ведь это был мой дом, в котором меня предал мой муж и все об этом знали. Ужас. Меня снова скрутило на этой мысли.

Так, так. Тихо.

Влад просил прощения, так просил... то есть он хочет вернуть меня. Зачем? Если он уже променял меня. Не понимаю.

Я, конечно же, не допускала и мысли о примирении. Он

уничтожил наше прошлое, меня, любовь – не склеить. Меня уже не склеить.

Посмотрела в зеркало. Надо же зареванные глаза, я даже не чувствовала, что плакала. И нос красный. Я подумала о том, что так и не родила ребенка от любимого мужчины, что так и не прожила с ним уютных дней в довольстве. Все заметил вихрь роскошных вечеринок, гламурных людей, встреч в дорогих ресторанах и на яхтах. Моей жизни не было в этой ЕГО жизни, а он еще и уничтожил меня целиком.

Меня охватила ярость. И я поехала в дом-который-был-испорчен, потому что мне пришла в голову одна прекрасная злая мысль, и я решила ее осуществить.

Ворота открылись передо мной, когда уже было порядочно за полночь. Я бросила машину во дворе, не доезжая до гаража, на совесть охраны и спросила дежурного охранника:

– Владислав Александрович дома?

– Отбыл, несколько часов назад, – отрапортовал охранник.

– Отлично, – сказала я скорее себе, чем ему и пошла к дому.

Я поднялась в нашу спальню и первое, что подумала, когда вошла: «Интересно, трахал он ее когда-нибудь на нашей постели?».

Снова в груди заклокотала ярость, и от ярости мне становилось как-то легче, отступала боль и бессилие. Мне хотелось действовать.

Я глянула на наши с Владом фотографии в рамках на комодe и по стенам. Фотографии разных лет. Я все их сгребла в одну стопку и вышла с ними во двор.

Здесь очень кстати столкнулась с нашим начальником безопасности Игорем Сергеевичем.

– Игорь Сергеевич, дайте мне пистолет, – попросила я вместо того, чтобы поздороваться.

– Простите, я не могу, – ответил тот, пытаясь разглядеть в моих глазах – не спятила ли я.

– Можете. Не переживайте, я не собираюсь никого убивать. Просто хочу снять стресс. По мишеням пострелять.

Начбез глянул на стопку фотографии в рамках в моих руках.

– Хорошо, но одну я вас с оружием не оставлю.

– Добро, Игорь Сергеевич.

Я передала ему эту проклятую стопку и пошла в сторону моей беседки в яблоневом саду. Здесь я расставила фотографии на скамейке. Глянула и переставила в хронологическом порядке от самой ранней к последней.

Сейчас эти два счастливых человека на фотографиях кажутся мне чужими. Я не знаю, кто эта счастливая улыбающаяся девушка, я не знаю, кто этот счастливый мужчина и почему на каких-то фото он обнимает меня, на каких-то целует. Это не мы. Это то, что было с нами и чего уже невозможно вернуть.

Игорь Сергеевич протянул мне пистолет и встал за спи-

ной.

Я прицелились в самую первую фотографию. На ней мы с Владом еще в той убитой съемной квартире, когда он четыре года назад вернулся с переговоров с военными из какой-то ближневосточной страны. И я никогда его не видела более счастливым, чем в тот день.

И теперь я понимала, что тот счастливый день на самом деле был началом конца.

Я нажала на курок. Бахнул выстрел. Рамка с фотографией разлетелась на куски, а я провалилась мыслями в тот самый день. Провалилась словно упала в глубокую черную яму, на дне которой еще можно было разглядеть тех двоих, что были так счастливы в тот день.

Четыре года назад

Я ждала Влада с замиранием сердца. Волнение мое достигло уже такого предела, когда я не могла ничего делать кроме как смотреть в окно и ждать, когда появится мой муж.

Весь день как на иголках. И вот уже вечер, но его все нет, и я это расцениваю как хороший знак. Если бы у него ничего не получилось, а встреча была назначена на три часа дней, уверена, что он бы уже был дома. Но если задерживается, да еще так прилично задерживается, возможно, они там что-то подписывают или уже даже символически отмечают.

Никогда я еще Влада не видела таким собранным и таким напуганным одновременно, как сегодня утром, когда он собирался на встречу с какими-то иностранными военными,

которые заинтересовались его технологией криптографической защиты связи.

Сегодня решалась не только судьба проекта, над которым он трудился много лет еще с университета и на который мы возлагали все наши надежды, но и наша дальнейшая судьба.

Я была уверена, что у Влада все получится, верила всей душой, но и поражение было возможно. Я знала, что его это окончательно убьет, и во что это может вылиться, даже думать не хотелось.

Я подходила к окну, выглядывала Влада и снова пускалась мерить нашу убогую однушку шагами. Я уже искусила все губы, и, если Влад не появится в ближайший час, доберусь до ногтей и сгрызу их, не в силах справиться с тревогой и предвкушением.

Когда я услышала, как проворачивается в замке ключ, сердце прыгнуло в горло, ухнуло в живот, вернулось на место и поскакало, опережая мысли и эмоции.

Влад появился на пороге и тут же замер. Он смотрел на меня с такой усталостью во взгляде, будто только что поднялся на вершину Эвереста и спустился обратно.

– У нас есть дома топор? – спросил Влад и в глазах его блестела какая-то злобная радость.

– Топор? Зачем тебе топор? – спросила я, недоумевая, что он собирается делать.

– Пришло время порубить здесь все – ветхое и дряхлое, чтобы впустить новое!

– Влад, скажи это! – от волнения я закрыла руками рот, уже предвкушая, что не смогу сдержаться и начну орать от радости.

– Да!

– Да?

– Да! Они берут, Лиза. Они берут вообще все и собираются возводить инфраструктуру по моему проекту. Это победа!

– Ура! – заорала я и бросилась ему на шею.

Влад подхватил меня на руки и закружил.

– Так есть у нас топор? – снова спросил он.

– Да есть, есть – на балконе лежит.

Влад кинулся на балкон, вылетел оттуда с топором и бросился на ненавистный шкаф с отваливающимися дверцами. Уже через пару минут от шкафа остались одни щепки. Соседи с низу долбили чем-то железным по батарее, видимо, в шоке от Армагеддона случившегося у них над головами.

– Теперь ты, – Влад отдал топор мне.

– А что хозяйке скажем? Вдруг ей эта мебель еще нужна? – спросила я неуверенно косясь на топор.

– Звонил я ей, спросил не будет ли против, если мы ремонт сделаем, а все старое выкинем. Согласна.

Я огляделась и обрушилась с топором на древний сервант, который был уже настолько хлипким, что я даже не решалась протереть в нем пыль.

Мы орали и обнимались. Прыгали как дети на кровати и,

когда успокоились, решив, что нам сейчас не нужна полиция, которую могут вызывать соседи, сели пить чай.

– Ты говоришь ремонт будем делать? – я уже представляла, как мы обустроим наше пускай пока съемное гнездышко.

– Будем, но не для себя. Для нашей хозяйки, она все-таки за копейки нам квартиру сдавала, да и сколько раз мы задерживали оплату, ни разу слово ни сказала, помнишь?

Конечно, я помнила. Бабуля, у которой мы снимали квартиру, сама жила в деревне и постоянно переживала, что мы съедем и ей опять придется искать жильцов, а в такую убитую квартиру вряд ли кто-то еще захочет селиться.

– А нам по карману? – спросила я.

– Нам все теперь по карману, хорошая моя. Ты даже не представляешь, что мы может теперь себе позволить. А еще у нас родятся дети, и мы для них купим большой дом с садом, с бассейном.

Я не могла поверить в то, что он говорит: сад, бассейн и целый дом. Это было похоже на какой-то сон. Я смотрела на него и безудержно улыбалась. Влад излучал такую уверенность, что у меня не было причин ему не верить.

Тут я наконец достала коробочку со своим сюрпризом и протянула ему. Влад взял продолговатую коробку, открыл ее и взглянул на меня. Взгляд его стал влажным, он был расстроган.

– У нас будет малыш, это правда?

Тут Влад аккуратно посадил меня к себе на колени и ска-

зал:

– Это самое-самое важное, детка, а надо было сразу сказать. А ты тут еще и топором махала.

– Ну я ж не больная, а беременная, может, мне надо для здоровья топорами размахивать ежедневно, – отшутилась я.

Влад трогал мой плоский еще живот, прислушивался к моему сердцу и говорил, что теперь только на руках будет таскать.

Настоящее

Я расстреляла все фотографии. Осталась одна. Свадебная. Я долго целилась, но никак не могла решиться нажать на курок. И когда все-таки бахнул выстрел, я снова провалилась в воспоминание, и это падение по тоннелю прошлого оказалось стремительным, но с полным пониманием, что именно в тот день я поняла – в моей жизни что-то пошло не так.

Три года назад

Я листала ленты соцсетей, перескочила оттуда по ссылке на сайт какого-то мужского журнала и увидела фотографию Влада с заголовком – «Миллиард за год, история одного из самых молодых миллиардеров».

Далее шло интервью Влада, в котором он рассказывал «как дошел до жизни такой». Заканчивалось интервью словами: «Все благодаря моей прекрасной жене. Если бы не она, я бы не достиг ничего».

Я убрала телефон и откинулась на кушетке. Врач перина-

тального центра, осмотрев меня куда-то вышел, и не было его уже слишком долго. Вернулся он еще с одним специалистом. Долго слушали живот, затем узи и снова какой-то консилиум.

– Елизавета Андреевна, – начал врач, после того как меня изучили чуть ли не под микроскопом, – рост матки не соответствует сроку беременности и по всем признакам у вас антенатальная гибель плода.

Слез не было, не было истерики, была только странная пустота. Во мне случилась смерть. Я хотела, чтобы была жизнь, а во мне вот – умер мой малыш. Тихо так, свернулся клубочком и перестал дышать. А потом уже, когда меня почистили, когда приехал Влад, я, увидев его, заплакала.

Он сидел со мной в палате, устроившись так, чтобы положить голову мне на живот, и плакал вместе со мной. Я водила ладонями по его массивной спине, сотрясающейся от рыданий, но он был где-то в своем горе. За эту беременность он носил меня на руках часто даже в прямом смысле. Он следил за моим питанием, за отдыхом и сном. За тем, чтобы у меня было спокойное настроение. Мой викинг – насадка – то еще зрелище. К ребенку он относился как к уже готовому человеку даже на самых ранних сроках. Он выбирал кровать, он сравнивал модели колясок. Это было смешно и мило, но Влад был прирожденным отцом. Только вот не удалось им побыть.

Потом он сказал мне:

– Мы еще попробуем, тот, следующий малыш обязательно с нами останется. А этого мы всегда будем помнить.

И снова заплакал.

Но новый малыш к нам больше не приходил. Зато теперь у нас было все.

Я все чаще вспоминала слова Влада: «Знаешь, Лиз, счастье, может, и не в деньгах, но точно в их количестве. Теперь мы будем счастливы, у нас будет все, что мы захотим. Вообще все».

«Что нам делать сейчас, Влад? – спрашивала я мысленно то ли его, то ли себя, когда в очередной раз оказывалось, что я не беременна, – как здесь нам помогут все деньги мира?»

Я углубилась в лечение, анализы, больницы, потому что мне казалось, что наша общая цель теперь – ребенок.

Влад взлетел так высоко и так быстро, что это пугало. Он ничего не знал о такой жизни. Все его представления строились на шаблонах: машины, дома, квартиры, картины, бриллианты, яхты. И он как сумасшедший пытался соответствовать этим шаблонам.

«Я слишком долго был бедным», – отвечал он, когда я спрашивала его, зачем нам все это. Что мы со всем этим будем делать.

Оставался только последний штрих к тому, чтобы он начал соответствовать всем шаблонам, которые только в его голове и были – тёлки.

Но здесь Влад держался и повода для ревности мне не да-

вал. По крайней мере, я считала именно так.

Но после того, как я потеряла ребенка, что-то в нем изменилось. Мы все пытались, а я никак не могла снова забеременеть, но на ЭКО или суррогатную маму пока не решалась. Эти варианты мы оставили, если получим окончательный приговор от врачей. Но обследования показывали, что забеременеть я могу, но почему-то не получалось.

Влад взлетал все выше. И чем богаче он становился, тем больше я не понимала куда на самом деле он стремиться.

– Ты не думал, остановиться? – спросила я его, после того как он купил яхту океанского класса.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Влад в ответ, искренне не понимая вопроса.

– Что мы со всем вот этим будем делать? Нельзя зарабатывать все деньги мира, Влад. Да и зачем столько? Нам за всю жизнь не потратить, если не разбрасывать деньги с вертолета. Мы же можем жить спокойную счастливую жизнь, как и всегда хотели.

– А чего мы хотели, Лиз?

– Ты мне скажи, Влад.

– Именно этого я и хотел, – ответил он, и я поняла, что он никогда не остановится. Что деньги для него стали самоцелью.

Настоящее

Фотографии кончились. Я расстреляла их все и вместе с тем расстреляла свое прошлое, в котором еще оставалось

что-то светлое и большое. Я была счастлива тогда в этой убогой съемной квартире. Было тяжело, но я была счастлива. От того, что он рядом, от того, что мы все преодолеваем вместе, от того, что нас было не разделить – мы были одним целым.

Но теперь я понимала, насколько был несчастен в то время Влад. И я поддерживала его не столько, потому что сама хотела все этих денег, которые на нас обрушились, но только потому, что хотела, чтобы он был счастлив.

Я не собираюсь лукавить себе, да я не планировала прожить всю жизнь в бедности, и мне хотелось достатка, чтобы не нужно было выживать, чтобы имелось все необходимое в настоящем и было обеспеченно будущее. И я была уверена, что Влад рано или поздно наиграется и все нормализуется.

Но он, по всей видимости, решил приобрести очередной атрибут для своей роскошной жизни – женщины. Не абы какие. Не такие, наверное, на его взгляд простенькие и хлебнувшие всех прелестей жизни, а такие как эта брюнетка, похожая на языческую богиню – совершенство, созданное для восхищения и секса. Куда мне до нее, да и какой мужик устоит перед ней?

Я отдаю пистолет с опустевшим магазином начбезу. В воздухе пахнет порохом от выстрелов, а мне кажется, что это запах моей сгоревший жизни и моего расстрелянного – растерзанного сердца.

Глава 5. Всё сложно

Я чувствовал себя настолько грязным, что мне кажется, что я запачкал себя на всю оставшуюся жизнь и никогда не отмоюсь. Самое ужасное, что я понимал, что запачкал Лизу, свою хрупкую, невесомую девочку. Как вспомню ее взгляд, полный боли, меня всего перекручивало. Мир рухнул. Я его уничтожил своими руками, точнее кое-чем другим, но я не представлял, как его вообще возможно восстановить. И эти Лизины глаза – боль... Да как же так, черт возьми!

Пока единственным верным решением, которое пришло мне в голову за последние дни, оказалось решение – не появляться пока Лизе на глаза. Стыдно. А еще не мог видеть ее боль, видеть, что сам уничтожил ее ни за что.

Буря должна утихнуть. Если такая буря может вообще когда-нибудь утихнуть. Мне нужна была передышка. Нужно было осмотреться, понять диспозицию и подумать, что вообще делать дальше.

Интересно как устроена психика. Уже спустя два дня я перестал посыпать голову пеплом и начал искать себе оправдание. В голову лезло и про то, что Лиза отдалилась от меня, и про то, что ей не нравилась наша жизнь, все, что я сделал для нас – успех, известные люди, огромное домище, она была будто на другом краю мира – далекая, наблюдающая за мной со стороны. Потому что мы с Лизой были одно, в горе,

в бедности... но не в богатстве. «Это я? Я один виноват?» – спрашивал я себя. И тут же сам себя осекал. Не могло здесь быть на самом деле никаких оправданий и совершенно непонятно, на что я рассчитывал, когда лез Линде в трусы.

Да ни на что я не рассчитывал. Это не было чем-то осознанным. Сейчас, когда боль Лизы стояла перед глазами, когда поступок стал известен всем во всей его мерзкой неприглядности, мне вдруг ясно увиделось, как все внезапно и даже вихрем закрутилось с Линдой. Не помню, чтобы я вообще размышлял или оглядывался. Страсть? – Не сказал бы. Любовь? – Поморщился: где похотливая Линда и где любовь. Что другое, чему я пока не мог найти названия.

Не было у меня никаких планов по поводу Линды, будто все, что с ней было – было во сне. Мне сейчас вообще казалось, что бурный успех, мелькание со звездами, интервью, вечеринки, алкоголь литрами – все это было сном. Потому что когда Лиза умчалась, когда она расстреляла наше прошлое (Сергеич доложил), я проснулся. И реальность моя оказалась разбитой.

Мне теперь нужно думать о том, как вернуть жену. А в том, что она уйдет и что ее нужно будет именно, что возвращать, я не сомневался. Она была нежной, стеснительной, но в ней всегда было что-то нерушимое, убежденность какая-то – как стержень.

Ценность того, что имеешь видится на расстоянии и, конечно, еще более по-настоящему ценным становится – когда

теряешь.

Я валялся в кровати в одной из своих квартир на Остоженке, отключив телефон, и думал о том, как мой поступок выглядел в глазах Лизы. Конечно, я был в этом уверен, она считала, что это предательство. А я никак не мог с этим согласиться.

Что такое предательство? Это что-то на что человек идет, полностью отдавая себе отчет – намеренно и для достижения каких-то благ для себя. Со мной было не так. Но как оно было невозможно объяснить женщине. Невозможно пустить ее в свою голову, чтобы она все увидела, не пропуская через призму своих женских представлений о мире, об отношениях и о том, как устроены мужские механизмы принятия решений.

Но еще сложнее объяснить женщине, каким удивительным образом может отключаться мозг, когда видишь такую женщину, как Линда. И как срывает любые тормоза, стоит такой женщине только посмотреть на мужчину тем взглядом, в котором буквально читается – делай со мной все, что захочешь. Здесь нет ничего осознанного, ни о чем в такой момент мужчина не думает. Ни о последствиях, ни о том, как все это выглядит. Только беспощадная жажда обладания, какой-то первобытный инстинкт, с которым нет никакой возможности справиться.

И дело было в том, кем была сама Линда. Ее жаждали заполучить все, с ней были все известные личности. И она об-

ратила свое внимание на меня. Это было, как подтверждение победы.

Все – дальше мозг отключается. Предательство это? Можно вот именно это назвать предательством? Я не уверен. И не был бы столь категоричен. Только как это объяснить женщине? А как это объяснить это женщине, которая меня любит? Как это, твою мать, объяснить жене?

Прокатит такое объяснение? – я поставил для себя галочку, я просто должен был ее трахнуть, потому что она воплощение секса, сама его суть, дьяволица, грешница, олицетворение порока перед которым невозможно устоять. А ты другая, тебя я люблю, ты самое дорогое, что у меня есть, ты моя жизнь и одно несравнимо с другим. Как такое объяснение? Думаю, после него Лиза точно пристрелит меня и несколько раз для верности переедет машиной.

Линда. Даже сейчас, размышляя обо всем этом и вспоминая ее, я чувствую, как вопреки моей воле в паху все напрягается. А это предательство? Будто я сам знаю, как это вообще работает и могу такое контролировать. Оно происходит и все.

«Черт!» – я вскакиваю с кровати и спешу принять холодный душ. И здесь, под ледяными струями воды мне приходят ответы на все эти самым же заданные вопросы.

Да – это предательство. Все это предательство. Потому что ты же человек, а не животное, но ведешь себя как животное только потому что тебе нравится в такой момент быть

животным, а затем еще и оправдывать себя этим. «Вот так все просто, Влад, – говорю я себе, – ты просто животное».

После душа становится легче. Словно, пока думал обо всем этом, обляпался грязью и сейчас хоть немного отмылся.

Я включил телефон и тут же посыпались уведомления. Среди них я с какой-то надеждой, которой на самом деле сейчас и места не было, искал хоть одно от Лизы. Пропущенный звонок, сообщение в мессенджер – хоть что-то. Но, конечно, ничего не обнаружил.

Зато было сообщение от Линды: «Как ты, Влад?», – писала она.

И сам не зная зачем я ей отвечаю: «Нормально».

Хотя, что «нормально» я без понятия, да и о какой вообще нормальности может идти речь, если несмотря на все самоуверенности, несмотря на все самооправдания, из меня будто сердце вытащили и засунули туда вонючую половую тряпку. О какой нормальности я говорю, если даже сообразить не могу, кто я такой без своей жены. Без моей Лизы, только отражаясь в глаза которой, я и могу понять, что живу, что я на самом деле существую.

Я бросаю телефон на кровать и, сидя на кровати, обхватываю голову руками. Больше всего мне сейчас хочется проснуться и узнать, что все это был только сон. Что я не теряю Лизу. Что я не теряю вместе с ней смысл моей жизни. Что я не предавал ее. Но звук нового уведомления сообщает мне, что все наяву, что это не сон.

«Нужно поговорить, давай встретимся», – читаю я сообщение от Линды.

Я смотрю на фотографию в ее профиле. Смахиваю мессенджер с экрана, и с него на меня смотрит Лиза – эту фотографию стояла у меня на заставках во всех телефонах, которые только были уж и не помню сколько лет.

«Как же, сука, все сложно», – думаю я и отвечаю Линде на сообщение. – «Хорошо. Давай встретимся».

Дорогие мои читатели! Приглашаю почитать мой новый роман - "Мальчик из прошлого".

Аннотация:

Мне 37 лет, и я чувствую себя старой потрепанной лошадю. Подруга подбивает меня пойти на встречу одноклассников, и там я встречаю его – парня, который был в меня влюблен. Только роли изменились. Тогда я была звездой школы и смотрела на него свысока, а теперь он – брутальный, мощный красавец мужчина, как мне кажется, смотрит на меня с ужасом и думает: «Что случилось с моей первой любовью?»

Мне хочется ему сказать: «Просто случилась реальность, Федя, случилась жизнь, а первая любовь – это просто сказки».
Мне хочется сбежать отсюда, и я уже готова, но слышу от него:
– Зверева, где тебя носит? Только ради тебя и пришел. Так, времени у меня нет, поэтому коротенько. Я тебя, Алиса, люблю, любил и всегда любить

буду.
 – Федь... – заикнулась я.
 – Помолчи.
 – Я
за... замужем, – только и успела я выдать из себя.
 –
Сегодня заеду и заберу тебя. Жди.

Читать здесь --- > <https://litnet.com/shrt/SfnK>

Или переходите на мою страницу и увидите книгу.

Глава 6. Гордыня и тщеславие

Забавно как иногда одно событие тянет за собой цепочку других и, в конце концов, можно найти точку, когда все пошло не так. Вроде как считается, что, если что-то пошло не так, вернись в момент, когда все шло как надо и начни с начала. Но если бы это было так просто.

Я прекрасно помню момент, до которого все шло нормально и даже мысленно могу вернуться в точку, с которой началась катастрофа. Я слишком рьяно взялся приводить себя в форму и на становой тяге в спортзале рванул спину. Тогда я впервые сам для себя опроверг утверждение – здоровье за деньги не купишь. Купишь, еще как купишь.

Попал бы я в заботливые волшебные руки мануального терапевта, чьи услуги стоили примерно, как годовой бюджет какого-нибудь небольшого государства, если бы по-прежнему корпел над наукой и жил в той «хатке с пауками» из которой так непросто было выбраться?

О мануальном терапевте Линде в кругах, где я теперь вращался, ходили легенды. В основном, исключительно, как о специалисте, но и о ней как о женщине многие говорили с придыханием. Я все диву давался, что там за женщина такая. Попасть к ней, конечно, со стороны было невозможно и, что удивительно даже рекомендация тех, кто числился ее пациентами, не всегда срабатывала.

Я уже привык к тому, что с моим нынешним положением любые двери для меня открыты и, когда мне сообщили, что Линда попробует найти для меня время, это разозлило, но пробудило какой-то странный азарт. Меня будто щелкнули по носу, чтобы не зазнавался, чтобы вернулся туда, откуда выполз на яркий свет успеха. И мне теперь было просто необходимо не только поправить спину, но и увидеть, что там за дива такая.

Я пытался забросить через человека, который рекомендовал мне Линду, а Линде меня – информацию, что готов закинуть ей такую сумму, чтобы весь ее график стал одним сплошным окном для меня, но, к удивлению, это не сработало. Мне передали, что сама Линда пациентами не занимается и дело не в деньгах. Как я понял, у нее своя клиника, где предлагаются услуги как традиционной медицины, так нетрадиционной. Я почувствовал себя глупо. Еще ни разу не встретившись с этой женщиной, даже не зная, что она представляет из себя на самом деле, я был заинтригован.

Я стал гуглить эту барышню и почувствовал себя еще глупее чем прежде. Оказалось, что Линда – настоящая звезда. Миллионы подписчиков в социальных сетях. Своя клиника и не одна. Она совершенно не скрывала, что все, что у нее имеется – это от ее благодарных клиентов. Она проводила какие-то обучающие курсы для женщин, где учила их, как правильно устроиться в жизни. На два года младше меня – двадцатипятилетняя Линда, блистательная дива и ге-

рой многих светских хроник, за которой буквально охотились многие мужчины с такими банковскими счетами, что я только диву давался.

Но она была одинока. По крайней мере, я так понял. И это только прибавляло ей балов. И, как я понял, приумножало ее состояние. Эта женщина находилась на недостижимом уровне для простых смертных, и ей давно уже дарили не только машины и цацки, но и полностью упакованные бизнесы. Как, например, сеть ее клиник. Как сама она писала – подарок одного из благодарных клиентов, которого она не только поставила на ноги, но и вправила ему мозги, да так, что он втрое увеличил свое состояние за полтора года.

И вот я, со своей попыткой купить время этой женщины. К хорошему быстро привыкаешь. И я уже привык к тому, что человеческое время можно запросто купить. Вопрос только в цене. Можно купить вообще все время человека. Так уж он этот человек устроен. Конечно, с Линдой это не сработало, и я послушно ждал своей очереди. Что только раззадоривало мой интерес, особенно после того, как я узнал, что Линда согласилась принять меня лично. Что тут скажешь, моя самооценка скаканула вверх. Что не мало меня удивило. И, как я сейчас это понимаю, легло в стопочку причин, почему я в конце концов поступил так как поступил.

И вот этот день настал. Когда я увидел Линду, во мне проснулось что-то совершенно животное. Не знаю, какой женской силой она обладала, но ею тут же захотелось обла-

дать. Не любить и уж тем более не жить с нею, нет, она не из того разряда, исключительно обладать.

Может, от того, что, как мне казалось, смотрит она на меня с чуть большим интересом, чем просто на клиента. Может, от того, что я вдруг почувствовал, что среди многих я могу для нее оказаться первым в длинной очереди ее почитателей и охотников, мечтающих заполучить такой трофей.

Но дело не только во внешности, которая будто была создана для того, чтобы губить мужчин, как сгубила Трою прекрасная Елена, сведя с ума Париса. Не только в том, что обладать Линдой, иметь такую любовницу было бы куда статуснее, чем какую-нибудь смазливую певичку или модель. Здесь было что-то другое. Если бы меня попросили охарактеризовать Линду двумя словам, все что могло бы прийти в голову – идеальная самка.

Мне говорили, что Линда холодна. Но я этого не заметил. Она как-то сразу была расположена ко мне, я чувствовал, что стоит мне только сделать усилие и она будет моей. И в какой-то момент, мне стало казаться, что она ждет от меня такого усилия. Это льстило. Таким хотелось хвастаться. Это было похоже на то, как в долгой гонке одерживаешь победу. И такой приз не хочется скрывать.

Первый секс у нас случился спустя пару месяцев после первой встречи, и тогда я даже не осознал, что произошло. Я совсем не думал, что натворил, я совсем не думал о Лизе. Я даже изменой это не считал и продолжал пребывать в иллю-

зии, что это просто игра, как спорт, в котором важно только одержать первое место. Воспринимал это как атрибут моего нового положения и моей новой жизни. Это несерьезно – это только игра, успокаивал я себя.

Доигрался. Доигрался до того, что привел ее в свой дом, на день рождения жены. Сейчас, когда прокручиваю этот момент в голове, ничего другого сказать о себе, кроме как – дебил, я не могу.

Я пытался разобраться, что меня дернуло привести ее в дом. И причина вырисовывалась простая и очевидная. Мне хотелось, чтобы все видели, как легко мне далась Линда. Твою же мать, я настолько погряз в гордыне и тщеславии, что хотел похвастаться ею словно очередной купленной дорогой игрушкой.

И многие это заметили. Но заметили они не только это. Даже скорее не это, а то, в какое положение я ставлю свою жену. Даже в этом мире, где такое в порядке вещей – это было чересчур. А мне нравилось.

Нравилось, что я нарушаю все возможные табу и словно в подтверждение этого, я потащил Линду в переговорку. Проблема только в том, что я ни хрена толком не помню и не могу с уверенностью сказать, что это я ее туда потащил. Больше было похоже на то, что туда потащила меня Линда.

Но какое это имело значение, если я, как баран, с радостью попёрся за ней?

Но, что я делаю сейчас? Вместо того, чтобы хотя бы попы-

таться уладить отношения с Лизой, я еду на встречу с Линдой.

Глава 7. Конкурентное приемущество

Я ждала Влада, допивая капучино и думала о том, какую большую ошибку совершают девицы, решившие обустроиться в этой жизни за счет богатого мужика. Я ненавидела. когда кто-то думал так обо мне. Частенько я спрашивала себя: «Линда, почему они так спешат раздвинуть перед ними ноги, будто там у них какое-то такое невиданное сокровище. Будто у них там есть что-то такое, чего нет у других?» – и ответ был проще некуда. Потому что это на самом деле единственный их актив. Все остальное в них – пустота.

Я, конечно, не такая. Я прекрасно понимаю, что мое тело и внешность – актив, но не единственный, и не главный. Он – приманка. Мне хватает ума, чтобы выстроить стратегию.

Эти же девицы почему-то думают, что раздвинуть ноги – это то, с чего нужно начать, когда на самом деле – это то, чем нужно закончить. То есть секс – это финальный аккорд, своего рода жирная точка в жизни мужчины, точка, после которой его жизнь должна уже принадлежать тебе.

Толстосумы, они как обожравшиеся сметаной коты. Заставить такого кота играть не так-то и просто, если сразу положить перед ним дохлую мышь. А когда попадается такой кот, как Влад, который еще не успел обожраться сметаны,

который только-только пробует настоящую жизнь на вкус, но при этом имея в арсенале все привилегии старого кота – это настоящая удача. Но здесь нужно быть вдвойне осторожней. Такой как Влад еще не изжил себя прошлого, он еще цепляется за то, что было в его жизни до того, как на него обрушились все блага мира. Его сердце еще горячо. Такой еще способен любить.

Но тем интереснее игра.

Немного жаль его Лизу. Я привыкла к тому, что, когда очередной жирный кот увлекается наживкой, их жены в большинстве воспринимают это как должное. Слишком уж им страшно терять привычный образ жизни. В большинстве случаев у них и у самих рыльце в пушку. А некоторые из них как раз из тех девиц, которым удалось в свое время удачно раздвинуть ноги, и теперь они точно не хотят лишиться дивидендов с когда-то удачно пристроенного актива.

Но Лиза не такая. Она в этот мир попала не со стороны. Она, как мне показалось, даже не особо в него стремилась. Воспринимает все как должное. Мне даже немного завидно. Я в такое не верила, пока сама не убедилась, что иногда настоящая искренняя любовь может привести на такой уровень. Без какой-либо игры, без стратегии и без долгой кропотливой «работы». Просто так – само по себе.

Я бы хотела оказаться на ее месте. Но мне не хватило бы силы и терпения ждать столько, сколько ждала она, пока ее муженек достигнет уже хоть чего-нибудь. Может, у нее это

получилось, потому что она и не ждала? Просто верила в него, как бывает в дурацких фильмах и книгах про любовь?

Нет, такая история не для меня. Но не вдохновлять такая история не может.

Я давно приглядывалась к Владу. Случай нетривиальный – невесть откуда взявшийся миллиардер. Еще вчера он был никем. Но уже сегодня он на самой вершине Олимпа. И не из тех, кто хорошо устроился на денежном потоке в каком-нибудь министерстве. Не из тех, кто вовремя украл, умудрился не попасться, и вовремя продал. Все сам. Своей головой. Как в голливудском кино – пришел, увидел, победил.

Боже, всего двадцать семь лет. И уже такая высота. Он вел себя как слон в посудной лавке, скупал дома, машины, инвестировал, прогорал, устраивал вечеринки, выкидывая миллионы. Так ведут себя случайно выигравшие миллиард в лотерею. Они даже осмыслить не могут, чем владеют, и спускают все, что у них теперь есть за год, возвращаясь на самое дно.

Но у Влада таких выигрышных лотерейных билетов была целая пачка и как бы глупо он себя не вел, сколько бы ни тратил, денег не только не убывало, но еще и прибывало.

Я знаю, что так долго продолжаться не будет, и его нужно было брать в оборот. Но каково было мое удивление, когда я увидела его вживую впервые и, оказалось, что деньги прилагаются к прекрасному породистому образчику мужской привлекательности.

Впервые мне захотелось чего-то большего, чем просто игра. В случае Влада я была готова вложиться сама и даже не заработать. Мне вдруг отчетливо стало ясно, что, если мне от него и нужно что-то кроме него самого, так это место, которое занимает его жена Лиза. Я вдруг поняла, что наигралась в полигамию, что мне надоели расчеты, обольщения. Я хочу место Лизы и точка.

Я приехала в Москву в девятнадцать. Из небольшого провинциального городка и уже тогда знала, чего стою и какое влияние моя внешность оказывает на мужчин. Но я не стала допускать ошибок и пускать этот единственный актив в ход, понимая, что можно слишком быстро истрепаться и не достичь желаемого. Я и думать не думала о том, чтобы выгодно выйти замуж, стать статусной любовницей или чего похуже – эскортницей.

Да, я собиралась жить за счет своей внешности и за счет мужчин, если уж природа так щедро наградила меня, но прежде всего я стала вкладывать в свое развитие. Чтобы быть чем-то большим, чем говорящие сиськи. В мире, где все измеряется исключительно деньгами, нужно обладать серьезными конкурентными преимуществами, если хочешь действительно чего-то добиться, будучи женщиной, но при этом сохранить самостоятельность. Не превратиться сначала в дорогую игрушку, а после в половую тряпку и не оказаться на помойке.

Поэтому я изучила рынок и интересы богатых. А когда

поняла, что им интересно, посмеялась. И стала гуру денежных потоков, замаскированной под мануального терапевта. Когда у тебя прямой доступ к телу, когда ты говоришь богатым мужикам на твоей кушетке, что у них зажаты мышцы от обид на жен, что у них спазмы в спине от невыплаканных слез и недостигнутых мечт, что им нужен покой, ведь иначе их денежный поток будет перекрыт. О, сочетание заботы о деньгах и душе оказывает просто поразительный эффект на мужчин.

Они плачут как котята, они начинают доверять тебе, будто ты самый близкий их человек. И вот уже денежный поток течет рекой. В мой карман.

Сдается мне, что Влад может оказаться камнем преткновения. Что-то всколыхнул во мне этот мужчина. Его дурацкое слепое чувство к наивной, словно принцесса из сказки, жене. Она словно хранительница его сердца. А сердцами заведу тут я, деточка. Поэтому весь его сказочный, словно из романов пыл к жене, должен стать моим. Ну и его миллиарды, конечно, тоже. Такие как он способны любить всю жизнь, а значит, я смогу наконец расслабиться.

Я не кидаюсь такими громкими словами как любовь. Может, от того, что никогда никого не любила и в какой-то момент вообще начала сомневаться, что способна любить, что у меня вообще есть сердце. Так бывает, когда слишком хорошо знаешь мужчин. Когда они только субъект и больше ничего. Когда еще немного и начнешь их презирать.

«Владик-Владик, откуда же ты такой нарисовался», – спрашивала я себя и чувствовала, как непривычно и горячо бьется мое сердце.

Глава 8. Не спеши с выводами

Когда он вошел в кафе, где я его ждала, у меня подпрыгнуло сердце, а по спине разбежались мурашки. Непривычное ощущение. На какой-то момент я даже немного поплыла и забыла зачем хотела встретиться. Залюбовалась.

Но я быстро взяла себя в руки. Нужно, прежде всего, выяснить каковы мои позиции и только потом пускать слюни на это сильное, но пока еще дикое животное, которое ведет себя так, будто лев, которого долго держали в клетке и только теперь выпустили в вольную саванну.

Он садится за стол напротив меня, но не смотрит в глаза, оглядывается, будто опасается, что нас могут увидеть вместе. Очень плохой знак.

– Привет, Линда, о чем хотела поговорить? – спрашивает он слишком уж отстраненно.

– Привет, Влад, и я рада тебя видеть.

Делает вид, что пропускает мимо ушей мой сарказм. В глазах безразличие. На меня так нельзя смотреть! Но он смотрит – холодно.

– Так что? – он откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди.

– Хотела узнать как ты.

– Переживаешь?

– Ну, насколько я помню, ты мне платишь, чтобы я не

только твоей сорванной спиной занималась, но и за то, что привожу тебя в равновесие, веду к успеху и богатству забыл?

Помимо мануальной терапии, которая дает мне доступ к телу моих котов, я провожу с ними практики равновесия, которые дают мне доступ к их сознанию, ну и деньгам. Я долго этому училась и пару лет провела в Индии, чтобы обучиться. Смесь йоги и некоторых буддийских практик. Они такое любят.

– Привела в равновесие, ага, – бросает он с горькой усмешкой.

Он что, жалеет, что был со мной?

– Так! Стоп! Ты меня в чем-то винишь?

Влад молчит всем видом показывая, что напрямую обвинить меня в произошедшем он не может, но мысленно он уже именно так и сделал. Что ж, предсказуемая защита. Виноват кто угодно только не я, и вообще я не понимаю, как в тебе мой член оказался.

– Нет, не виню, я жалею, – отвечает, Влад, наконец.

– И, о чем же ты жалеешь, Влад? Уж не о том ли, что между нами было?

– А что между нами было, Линда? Секс – это не то, что между нами было, это то, что между нами случилось, вот об этом я и жалею.

Его слова царапают сердце. Никто и никогда еще не жалел о близости со мной. Его слова как ушат холодной воды.

– Давай я тебе проясню кое-что, ты жалеешь не о близости

сти со мной, ты жалеешь о том, что спалился перед женой. Называй вещи своими именами.

Не отвечает. Вижу, что злитесь, и понимаю, что злитесь от того, что я права. Нужно подкинуть ему размышлений.

– Давай скажи как на духу, если бы эта твоя... как её?

– Не смей о ней говорить в таком тоне, – вспыхнул Влад.

Черт, мне это не нравится. Неужели я так промахнулась? В любовь я не верю, и, видимо, в этом моя ошибка. Чем же он к ней так привязан?

– Просто ты о ней и не вспоминал, пока был со мной. Извини, во мне не выработалось почтения к невидимой и ненужной тебе жене.

Влад поднялся с места. Кулаки его сжимались. Я и сама тяжело дышала. Потеряла контроль – потеряла власть. Зачем я его злю? Видимо, лишь бы вытянуть из него эмоций, хоть каких-то, только ярких. Поэтому я продолжаю:

– Злишься. Только у меня один вопрос: если бы твоя Лиза не застала тебя со мной, ты бы тоже жалел?

Я знаю, что нечего ему будет ответить на это. Но мне не нравится, как складывается этот разговор и к чему он ведет. Влад тяжело дышит. Он раскален до предела.

– Послушай, Влад, я все понимаю на самом деле. Твоя жена была с тобой всю дорогу, ты ей многим обязан, тебе стыдно, что ты так попался. Но давай начистоту, если бы она была тебе важна, тебя не на чем было бы ловить. Ты хотел меня, ты хотел быть со мной. Жена давно тебе наскучила. Просто

ты – хороший парень, ты не можешь в этом себе признаться. Но может, уже стоит быть откровенным с собой. Со мной, с этой женой, в конце концов. Чувство вины – плохой советчик. Давай-ка ты не будешь плодить лишние сущности. По-едем ко мне, проведу сеанс, чтобы хоть немного привести тебя в равновесие. Что скажешь?

Влад выглядел растерянным. Попала в яблочко. Уф, вернула себе контроль, и у меня есть шанс вернуть Влада себе. Он задумался. А потом замотал головой.

– Нет. Нет. Нет. Ты не права. Ты ничего не знаешь. Нет, Линда, никаких больше сеансов. Я облажался. По-крупному. Наверное, я виноват перед тобой. Не знаю. Прости. Но мне нужно думать о том, как вернуть жену. Не до «равновесия» мне сейчас, я ничего не понимаю, не понимаю, как это все случилось. Я не хотел тебя. Я никого не хотел никогда. Мне кроме Лизы никто никогда был не нужен.

– Хотел! – выкрикнула я на нервах.

– Это всегда было словно в каком-то угаре, вечно ничего не помню потом, похоть была, но откуда, зачем, я не такой и не был таким, – бормотал он уже словно для самого себя, и каждое его слово резало меня ножом. Потом он выпрямился и посмотрел мне прямо в глаза. Жестко. Решительно. – И, знаешь, я понимаю, что мы с тобой договоров не заключали, но я скажу, чтобы не было кривотолков. Ты уволена.

А вот это неожиданно. Я была уверена, что Влад уже как следует заглотил крючок, а он вот так просто с него пытается

соскочить. Где-то я просчиталась и, кажется, догадываюсь где именно.

Его жена. Он слишком ее любит. Надо было с этого начинать. Вот же, блин. Вижу это по его глазам сейчас. Точнее по тому холоду в них, когда он смотрит на меня. Я не привыкла, чтобы от меня отказывались и не очень соображаю, что именно сказать сейчас. Но еще больше меня тревожит разгорающаяся во мне ревность. Чуждое мне, как я всегда считала чувство. Я привыкла, что это из-за меня жены ревнуют своих мужей, но, чтобы я ревновала к женам? Это было попросту невозможно. Неужто и меня настигла любовь. От Влада что ли заразилась этой болячкой.

– Я думаю ты все понимаешь, я сделал ошибку и теперь нужно ее исправить, а твое присутствие точно не поспособствует тому, чтобы Лиза меня простила. Уж извини.

У меня такое ощущение, что меня бросают. Я слушала и не слышала. Все мои планы на семейную жизнь, полную покоя, верности – рухнули. Все шло так гладко ведь, когда произошел раскол? По моим прикидкам, Лиза должна была увидеть нас, подать на развод и... Дальше я утешаю мужа, который становится моим. А Влад – хороший мужик, он был бы верным, это я уж точно знаю. Ничего не понимаю, как все сломалось.

В голове что-то перевернулось, и ситуация выглядит для меня сейчас так, будто это не я пыталась сделать так, чтобы он ушел от нее ко мне, а так, словно это она уводит его от

меня. Будто он всегда мне принадлежал.

Я пытаюсь усилием воли оставить рассудок холодным, но ни черта не выходит и, если сейчас кому-то и нужна практика равновесия, так только мне самой.

Пауза затягивается. Он что-то пытается рассмотреть в моих глазах, и я не знаю, что сказать.

– Ладно, Линда, я думаю, ты все понимаешь и не будешь держать на меня зла.

Он ждет от меня каких-то слов – я вижу, но я будто в ступоре. Я никогда не была в такой ситуации и никогда не просчитывала, что именно нужно делать, как себя вести.

– Да, конечно, Влад. Я все понимаю. Удачи с женой, – я поднимаюсь из-за стола.

– Постой, – он тоже встает и берет меня за руку.

Я выдергиваю руку. И это не осмысленный жест, чтобы что-то показать или получить какой-то результат, это искренняя злость из-за все сильнее разгорающейся во мне ревности. У меня такое чувство, что появившись сейчас здесь эта его мышь – Лиза, прибила бы ее точно.

– Что-то еще? – пытаюсь я улыбнуться и понимаю, что получается оскал.

Он медлит, словно хочет что-то сказать, но не может себе этого позволить. А вот это уже хороший знак. «Что, Владик, не просто тебе от меня отвернуться, да?» – злорадствую я мысленно.

– Нет, прости, ничего.

В его глазах жалость. Ко мне. Он меня жалеет! Плохо. Очень плохо.

Я выхожу на улицу. Делаю глубокий вдох, но воздуха все равно не хватает. В голове все в кучу. Все пошло не так, как должно было пойти. Все летит в тартарары. И вместо того, чтобы спокойно все взвесить, оставить эту ситуацию и продолжить жить как жила, я кручу в голове одну и ту же мысль: «Ну, уж нет, Владик, не спеши с выводами, так просто все не закончится. Это я тебе гарантирую».

Дорогие читатели! Приглашаю вас почитать мою новую историю:

МНОГОЖЕНЕЦ. ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

АННОТАЦИЯ:

Я думала, что мой муж лучший из мужчин, пока не узнала, что я не единственная его жена. Даже не вторая... даже не третья... Двадцать лет безупречного брака оказались годами лжи и предательства.

Теперь мне сорок и все, что я считала незыблемым и нерушимым рассыпалось в прах. Любовь оказалась ложью, счастье предательством. Мне предстоит начать новую жизнь. и я не знаю, где взять на это сил и как вернуть веру в себя.

ЧИТАТЬ ---> <https://litnet.com/shrt/nOnq>

Глава 9. Что такое жизнь?

Я отперла дверь квартиры, где мы когда-то жили с Владом, где все началось и где, по всей видимости, для меня все и должно закончиться.

Та самая квартира, где я еще была счастлива, несмотря на все трудности. Та самая, где мы с ним в упоении рубили мебель, когда Влад получил свой первый контракт. Она так и осталась за нами. Мы до сих пор за нее платим хозяйке. И для того, чтобы поддержать нашу добрую хозяйку, и для просыпающейся иногда ностальгии.

Нищая квартира, полная любви, поддержки и счастья.

Конечно, квартира отремонтирована, теперь это уже не та «хатка с пауками», но атмосфера осталась. Наверное, из-за того, что уже даже в стены впитался этот запах старости, но ко всему никуда не делся двор и подъезд этого дома, которые находились в прежнем, довольно-таки плачевном состоянии. Тот же продуктовый магазин через дорогу и, как мне кажется, даже те же дворовые забулдыги в беседке во дворе.

Не знаю, зачем я сюда пришла. Что я хочу вспомнить и в какое время хочу вернуться, но, войдя в квартиру, я тут же почувствовала себя спокойней.

Я чувствовала, что потеряла себя. В его достижениях, в его стремлении к успеху. Я где-то остановилась по дороге, не догнала его. И мне кажется, последняя версия меня бы-

ла здесь. Мне не нравилась та я, что поселилась в большом шикарном доме под присмотром охраны и прислуги: эта Лиза была холодной, замкнутой, отстраненной, переживающей неприятный период жизни.

Я вспомнила себя-в-нищей-квартире.

Свое сладкое, томительное ожидание: вот-вот войдет уставший после своих попыток решить задачу с криптографией Влад. Я кинусь разогревать ему ужин, а во мне будет сиять солнце – от уюта в душе, от любви к Владу, от счастья, которое будто солнце переполняет меня.

– Ты чего улыбаешься? – спросит меня Влад, посадит к себе на колени.

– Просто. Хорошо мне с тобой, Влад, – скажу я ему.

– Ты-чудо, ты – сказочное чудо, моя принцесса, – скажет он и приложит голову к моей груди.

– Все обязательно получится, и ты получишь все, о чем мечтаешь. Если тебе не хватает веры, моей веры хватит на двоих.

Я была чудом. А не холодной недовольной богатой стервой.

Слезы сами потекли по щекам. Меня замутило, да так, что я побежала в туалет, не в силах сдержать тошноту. «Нервы, долбанные нервы доконают меня», – сказала я своему отражению в зеркале, умывая руки.

Я услышала, как щелкнул дверной замок, и чуть не подпрыгнула от неожиданности. Ключ от квартиры был только

у меня, Влада и хозяйки. Но она вряд ли могла здесь сейчас появиться, а значит – это мог быть только мой муж.

Сердце заныло. Я устала от этого выматывающего трепыхания в груди, от постоянной боли. Я выдыхаю, креплюсь и выхожу в прихожую. Вижу Влада собственной персоной.

– Я знал, что найду тебя здесь, – говорит он и опирается плечом на стену, скрестив руки на груди.

Выглядит неплохо, но видно, что последние дни дались ему нелегко. На лбу обозначилась морщина, под глазами синяки, щеки ввалились. Смотрит исподлобья. В рубашке и темных джинсах, что говорит о том, что дела он, по всей видимости, задвинул. Да и отросшая щетина говорит о том же. Я понимаю, что он переживает. Тяжело переживает, и мое сердце по привычке рвется утешить. Но я усмехаюсь самой себе: совсем дурочка, что ли.

– Зачем ты меня преследуешь? Ты лишний раз причиняешь мне боль. Ради общего прошлого – не трогай меня. Особенно здесь, п– говорю я ему тихо и ухожу в комнату. Он идет за мной.

– Лиза, прошу поговори со мной.

– Мы уже говорим.

– Ты понимаешь, что имею в виду.

– Нет, Влад, не понимаю.

Я стою у окна спиной к нему. По лицу бегут слезы. От его голоса, от умоляющих ноток в его словах, от взгляда, в котором столько тоски и боли. Он сделал это с нами – убил.

Меня, себя, нас. Я не могу повернуться к нему.

– Лиз.

– Что?

– Прости меня, – говорит он неожиданно близко, над самым ухом. Меня обжигает его дыхание. Он стоит за моей спиной. И меня рвет на части от боли, от того, что мне хочется повернуться, уткнуться ему в грудь, но я не могу это сделать. Между нами чужое тело – между нами стена. И родной человек, мое счастье, мое все – чужой. Снова подступает тошнота.

Я отхожу от него и сажусь на диван. Только бы подальше от его запаха, от его незаметных касаний. Стараюсь не смотреть на него.

– Скажи мне, ты правда, думаешь, что можно просто забыть случившееся, попробовать склеить нас и продолжить жить дальше? – спрашиваю я Влада.

– Милая, Лиза, жизнь моя. Я люблю тебя, – чуть ли не шепчет он и опускается на колени передо мной. – Я совершил ошибку, ужасную жуткую ошибку. Но я не могу без тебя. Я ничего не понимаю.

Влад пытается взять меня за руку, но я скрещиваю руки на груди, не позволяя ему. От возможного прикосновения его рук меня мутит. Перед лицом возникает картинка – он, Линда, стоны, и я... я не могу.

– Не трогай меня!

– Прости.

– Уйди, прошу. Ты не можешь ничего исправить. Значит, я неважна была, значит, была не нужна уже, если такое случилось.

– Нет, родная моя, Лиза. Все не так. Всегда нужна, малыш. Ты для меня всё. Это помутнение было, я себя не контролировал. Ты должна мне поверить: эта женщина неважна, то, что случилось – это бред, но я все пытаюсь понять себя, как я мог такое совершить. Ведь ты – все, что мне нужно.

– Отличное оправдание, Влад. И, кстати, с чего ты решил, что в этой ситуации вообще возможно какое-то оправдание? Неужели ты не понимаешь, что не имеет никакого значения, что ты скажешь? Что сделано – то сделано, и мне все равно почему сделано. Точка.

– Я все равно тебя не отпущу.

– Это как?

– Вот так.

Я вскакиваю с дивана и бегу в туалет. Меня снова тошнит.

– Лиза, что с тобой? Тебе помочь? – слышу я из-за двери.

– Убирайся!

– Нет.

– Чего тебе надо?

– Чтобы ты хотя бы выслушала меня.

– Говори.

– Открой дверь.

– Так говори.

– Наверное, это все из-за ребенка.

– Из-за какого ребенка? Что ты несешь? – я и правда не понимаю, о чем вообще речь.

– Которого у нас так и не получилось.

– Как интересно, – у меня сейчас начнется истеричный смех, – ну-ка давай подробнее. Где тут связка между тем, что у нас не получается зачать ребенка, твоей шлюхой и мной?

– Ну, подсознательно.

– Это даже смешно. Подсознательно изменил мне? Что ты несешь?

– Помнишь, два или три месяца назад, мы поссорились из-за очередной неудачи. Я был виноват в той ссоре, я ляпнул, что в тебе что-то не то, что ты не такая, поэтому ты не можешь выносить нашего малыша. Я был виноват, прости еще раз за те слова. И ты тогда в ответ сказала другие слова, которые я потом не мог забыть.

Я попыталась вспомнить. Что-то такое было, обычная ссора от усталости и бессилия – я в который раз не смогла забеременеть. Влад очень ждал ребенка. Он с надеждой спрашивал каждый месяц, не пошли ли месячные. Он скупил мне всевозможные тесты. Но они не пригодились. Он изучил, когда можно забеременеть. Он водил меня в лучшие клиники. Если и было что-то, что нас еще объединяло в этот период успеха, то это ожидание малыша. Мы оба видели в семье – залог счастья.

– Что я тебе тогда сказала? – спросила я.

– Что это со мной что-то не так, ведь ты уже сто раз обслед-

довалась и все врачи говорили, что ты здорова и нет никаких причин тебе не забеременеть. Что ты же меня не обвиняешь, как я тебя, в том, что я бракованный. Что кто знает, если ты окажешься с другим, может, и залетишь. Я тогда по-настоящему испугался. Хоть по анализам мы оба здоровы, но ведь и правда, дело могло быть во мне. Я погрузился в какое-то отчаяние. Быть может, мы не подходим друг другу, быть может, у нас не выйдет той семьи, о которой мы оба мечтали.

– И ты подсознательно кинулся на другую? – обрываю я его.

– Я не так хотел сказать.

– Влад, я не узнаю тебя. Ты всегда был рассудителен, я полагалась на твои суждения о людях, о мире. Ты что сейчас несешь? Верно я поняла, что это я виновата, что ты ее трахнул, так ты это видишь? Я тебя обидела своими словами, и ты решил найти утешение в объятиях другой?

– Слушай, я понимаю, как все это звучит глупо, – Влад взъерошил волосы. – Я не ищу себе оправдания. Я один виноват во всем. Я разрушил наш мир.

– Тогда что такое ты тут говоришь про старые обиды, что я тебе что-то сказала? – спросила я.

– Я боюсь тебя потерять, принцесса. Я отчаянно боюсь, что ты сейчас встанешь, перестанешь слушать меня и выйдешь за дверь. Я несу чушь, наверное. Это от волнения. Пожалуйста, послушай меня.

Он и правда выглядел ужасно растерянным. Взъерошен-

ные волосы, побитый вид, глаза, полные отчаяния. Он сидел у моих ног и боялся меня коснуться. А я ничего не думала. Мне просто было так больно от разорванных пополам нас, что я да, хотела бы встать и уйти, а еще – я не могла уйти. Я хотела услышать, во имя чего он сломал нас. Но он говорил такую ерунду, она меня обижала и оскорбляла до глубины души. Я ничего не ответила.

– Я все хожу и пытаюсь понять, как я так мог. Ведь ты для меня – единственная. Желанная. Ты – моя половинка. Мое сердце бьется в унисон с твоим. Помнишь, как у нас сны порой были совершенно похожи. Один сюжет на двоих?

Я невольно улыбнулась. Влад от моей улыбки аж задохнулся, протянул руки к моим коленям, но я дернулась, и он тут же взял себя в руки.

– Я размышляю о последних годах нашего брака. Ушел налево – такое выражение есть. Я себя не узнаю, не понимаю. Кто я, какой тогда я, если так поступил. Поэтому я размышляю о том моменте, когда все пошло не так, что я свернул налево, а тебя оставил на развилке. Почему же я оставил тебя?

Я напряглась. Слышать это было очень тяжело. Снова поднялась мусть. Голова закружилась, я откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза. Влад же продолжал.

– Знаешь, Лиз, в отношениях два человека, и если что-то происходит, не может быть так, что виноват только кто-то один. Не думала об этом?

Я распахнула глаза на это заявление и внимательно по-

смотрела на него.

– Давай еще раз. Ты предал меня, предал нашу любовь, осквернил наш дом, но хочешь сказать, что виноваты в этом двое, и речь не о вас с Линдой, а обо мне и тебе?

– Боже, да что ж звучит так все мудацки, – повесил голову Влад. – Я ищу момент, когда я потерялся. Когда отошел от тебя в сторону. И я его вижу в том, что после успеха ты закрылась, Лиз. У нас с тобой всегда все было на двоих, все вместе, всегда вместе, но что ты сделала, когда наша жизнь изменилась? Ты закрылась, отстранилась. Я принялся один жить эту жизнь. Надо было входить в общество, налаживать полезные связи, искать инвесторов, правильно распоряжаться богатством. Да попросту наслаждаться им. Жизнь кипит, происходит столько всего, о чем мы мечтали, но я в этом все уже был один. Но ты будто так и осталась в этой квартире, – он обвел взглядом комнату.

– А каких изменений ты от меня ждал? Ты знаешь, я люблю уютные дружеские посиделки, но не вечеринки на сотни гостей, из которых я никого не знаю. Я люблю море, гулять по диким пляжам, собирать ракушки, но не светские рауты на модных курортах, где каждый час надо менять купальники и платья. Я какой была, такой и осталась. А вот тебя я перестала узнавать. Между нами словно исчезли общие темы. Ты, как ребенок, которого пустили в магазин «Детский мир» и сказали бери все, что хочешь, так себя ведешь.

Я понимала, о чем он говорит. Но он в нас, в таких близ-

ких и любящих нас искал причину его пьяного секса с той наглой дрянью. И я не могла этого ему простить. Добавила в копилку прегрешений.

– Ты перестала меня поддерживать, перестала вдохновлять. Ведь ты всегда была рядом, твои глаза, полные восхищения. Но ты смотрела теперь на меня с недовольством, ожиданием, даже пренебрежением, – продолжает он, – тебе и правда все, что у нас теперь есть оказалось ненужным. Нет-нет, детка, не ты виновата. Я не виню, пойми меня. Я только говорю о поиске момента, когда дорожки разошлись, и я, один только я свернул не туда.

Но его слов у меня перехватило дыхание. «Перестала вдохновлять». Да я наизнанку вывернулась, только что бы Влад чувствовал, что у него есть надежный тыл. Я на себе вывезла всю его постоянную депрессию, пока у него не было денег. Я ни в чем его не сдерживала, когда деньги у него появились, надеясь, что он наиграется, привыкнет к своему новому положению, и жизнь войдет в нормальное русло. А здесь, оказывается – я его не вдохновляю больше.

– Хорошо, что ты нашел ту, которая так здорово тебя вдохновляет в твоём новом успешном статусе. Слушай, ладно, разошлись наши дорожки. Я не смогла разделить с тобой успех. Стала далекой и недовольной. Допустим. Но ведь ты мог честно сказать мне это. Чтобы я могла с достоинством выйти из брака, в котором люди больше не смотрят в одну сторону.

Влад отводит взгляд. Мои слова попадают в точку, но отступать он не собирается. Он прижимается к моим коленям. Я пытаюсь отодвинуться, но он держит мои колени, целует каждую коленку, смотрит на меня снизу вверх.

– Ты говоришь со мной. Спасибо, Лиза, принцесса моя. Я недостоин тебя. Ты снова идешь мне навстречу и слушаешь меня. Спасибо.

Он снова целовал мои ноги, я почувствовала влагу на коже. Влад плакал. Я сглотнула свои слезы.

– Я не иду тебе навстречу, Влад. Твои размышления словно пощечина. Как я отношусь к тому, что у нас теперь все есть? Нужно ли мне все это? Я отвечу. Нужно, Влад, мне нравится, что можно не думать о том, как сводить концы с концами. Какой женщине такое не понравится, какая женщина не мечтает о том, чтобы все у нее в жизни было хорошо? Как можно не радоваться достатку? Но дело же не в этом.

– Тогда в чем? Почему ты ведешь себя так, будто оказалась в какой-то параллельной реальности и думаешь только о том, как бы тебе отсюда выбраться? Почему ведешь себя так, будто все это тебе чуждо? Почему мы не могли играть в это богатство вместе?

– Да потому, что ты не спросил, а как я бы хотела потратить деньги. Как бы я хотела прожить жизнь, когда есть выбор. Ты выбирал дом, чтобы удивить меня размерами. По твоему заказу мне привозили платья из модных домов, ко-

торые я не заказывала.

– Но ты такая стеснительная.

– Я просто хотела подумать. У меня не было никогда таких денег. Я хотела понять, чего же я хочу, когда могу не тратить время на выживание. Только попытки забеременеть – были нашим общим делом. И я сосредоточилась на них, благо можно было тратить на лучших врачей и обследования, не считая. Но ты-то тоже не разобрался, что тебе делать с деньгами. Сколько еще тебе нужно домов, машин, яхт, сколько? И зачем? Ты видишь, что ты становишься заложником своего богатства?

– Я не понимаю тебя, – говорит он, но я вижу, что на самом деле до него начинает доходить понемногу.

– Понимаешь, Влад. Прекрасно понимаешь. Тебе нужно больше и больше. Теперь уже не деньги для тебя, а ты для денег. Какой смысл все это иметь, если не можешь этим толком насладиться, и вся твоя жизнь превращается в вечную гонку за увеличением банковского счета? Мне нужен ты, прежде всего, и я всегда думала, что тебе нужна прежде всего я.

– Так и есть, – перебивает он меня.

– Та было, но так не есть. Теперь прежде всего тебе нужна твоя постоянная гонка за деньгами. И я не понимаю зачем тебе это.

– Я мужчина, Лиз. Мне нужно движение. Я плесенью покроюсь, если остановлюсь. Движение и есть жизнь.

– Ты не знаешь, что такое жизнь. Ты путаешь выживание с

жизнью, так было пока ты был беден. Не мог насладиться моментом. Не мог увидеть радости в чем-нибудь простом. Тебя пожирала эта бедность, ты, наверное, даже не замечал, что на небе солнце светит. Теперь ты называешь жизнью все, что угодно, только не жизнь. И, как и раньше не видишь солнца на небе. Тебе его заменяет блеск твоего богатства. Что такое, по-твоему, жизнь, Влад?

– Вот об этом я и говорил, ты перестала меня понимать, перестала поддерживать и отстранилась. Может, тебе все это стоило мне сказать раньше? Но ты же молчала. Почему ты только сейчас мне об этом говоришь. Я бы прислушался к тебе, задумался бы, но тебе нужно было, чтобы произошла катастрофа, чтобы снова говорить со мной так, как ты говорила со мной раньше.

– Так это мне нужна была катастрофа? Мне нужна была твоя измена? Какой же ты урод все-таки, Влад. Моральный урод. Давай прекратим этот бессмысленный разговор. Давай вообще все прекратим. Я хочу развестись.

– Я не дам тебе развод.

– Что значит не дашь? Мы не в Америке какой-нибудь и это не кино, кто тебя спрашивает вообще? Два клика на госуслугах и готово, развод он не даст! Мы с тобой сейчас, по-твоему, где? В мыльном сериале?

– Я все сказал! Ты от меня не уйдешь. Я тебя не отпущу, – он идет в прихожую и открывает входную дверь.

– Тебя не спросила! – бросаю ему в спину.

Дверь захлопывается с такой силой, что чуть не вылетает вместе с косяками. Несмотря на то, что я отбивалась как могла, все же Владу удалось поселить во мне что-то похожее на неприятное чувство вины.

После его ухода, меня снова начинает тошнить.

Глава 10. Бесчестие

Я летел на машине в сторону одинцовского района, выжимая из мотора все, на что тот способен. Я уже опаздывал минут на десять, и мне хорошо было известно, что на встречу с таким человеком, как Карим Умаров – опаздывать нельзя.

Я был одним из редких людей в круге ближних и обладающих привилегией называть его – дед Карим. За пределами круга Карима Умарова величали исключительно Карим Хан.

Он выдернул меня невовремя. В любое другое время я бы радовался приглашению в гости к такому человеку, но только не сейчас. Я толком себя не контролировал. В башке ничего кроме Лизы и попыток понять, как мне вернуть жену, другого не умещалось.

Ехать оставалось минут десять, и я как мог пытался собраться, сосредоточиться, чтобы выглядеть достойно. Деду Кариму уже минуло шестьдесят пять лет, но это по-прежнему был мощный во всех смыслах этого слова мужчина и называть его стариком ни у кого не повернулся бы язык.

Свое состояние он сколотил еще в девяностые годы прошлого века, и я даже думать не хотел какими путями. Россия в то время представляла из себя дикое поле, где не было никаких правил в ведении бизнеса и выживал только тот, кто мог отстоять свое силой.

Но дед Карим не был и бандитом в полном смысле это-

го слова. Умнейший человек, докторская степень по математике на секундочку. Потому наши пути и пересеклись. Еще когда я разрабатывал свой алгоритм криптографической защиты для систем связи. Дед Карим в меня поверил, поверил в мои разработки, именно он свел меня с нужными людьми и профинансировал на начальном этапе. Если бы не дед Карим, не факт, что у меня вообще что-либо получилось.

Но гордился я даже не этим, а тем, что был вхож в круг его ближних. Нередко этот мудрый человек наставлял меня, нередко выручал и давал бесценные советы.

Он души не чаял в Лизе. Буквально относился к ней как ко внучке. Помню эту его фразу: «Лиза, ты сокровище, которое попросту невозможно в мире, в котором мы живем». Он имел в виду наш с ним мир – мир больших денег.

И мне, черт возьми, было не по себе, если не сказать большего, когда я уже подъезжал к воротам его дома, от одной только мысли, что дед Карим спросит, как поживает Лиза.

Я тряхнул головой, чтобы прогнать эту тревогу и припарковался во дворе его скромного, по моим, да и не только по моим меркам дома.

В таком доме мог бы жить бизнесмен средней руки, владеющий каким-нибудь магазинчиком, но представить, что здесь живет Карим Хан с его-то состоянием, было попросту невозможно.

Он жил в скромном доме, ездил на стареньком форде и выглядел как восточный мудрец: окладистая седая боро-

да, смуглая кожа, будто навсегда выгоревшая под солнцем, пронзительные черные глаза, словно два бездонных колодца и в которых невозможно было разглядеть, что он на самом деле думает. На руке перстень с массивным камнем, и мне иногда казалось, что это дед Карим обладатель кольца Соломона – источника бесконечной мудрости. Но, конечно, дело было не в этом. Как сам про себя и про свою мудрость говорил дед Карим: «Я просто долго живу».

Дед Карим сидел на скамейке у своего дома и вырезал ножом какую-то фигурку из дерева.

– Присаживайся, Влад, рад тебя видеть, – он похлопал ладонью по скамейке рядом с собой.

Я пытался угадать его настроение, но это было попросту невозможно.

– Как твои дела, Влад? – спросил он, когда я опустился на скамейку.

– Смотря в чем, если в целом – неплохо, – ответил я уклончиво.

– Плохо дела у тебя, Влад. Мне неприятно тебе сообщать тревожные новости, но все же, – он продолжал работать ножом по дереву, так ни разу и не взглянув на меня, – я отменил твою встречу с арабами и приостанавливаю контракт.

И вот теперь я понял, что дела мои действительно – хуже некуда. Я собирался выходить на рынок стран Персидского залива, я слишком серьезно в это вложил и то, что говорит дед Карим, означает только одно – это катастрофа. Я могу не

просто многое потерять, я могу вообще все потерять.

– Но почему? Что случилось? – осмелился я спросить.

– Ты знаешь, что случилось, Влад. Как поживает Лиза?

Внутри у меня похолодело. Я судорожно пытался сообразить, как будет правильно ответить.

– Со всем уважением, но разве мои семейные проблемы имеют отношения к делам.

Я не понимал, откуда ему вообще стало известно о том, что случилось. Вряд ли Лиза стала бы ему жаловаться, такое было не в ее правилах.

Дед Карим достал из кармана телефон. Что-то там потыкал пальцем и протянул мне.

Сердце мое оборвалось, когда я увидел видео из переговоров, где я жарю раком Линду. Я зажмурился, не веря своим глазам и пытаюсь сообразить, как видео попало в интернет. Я перемотал на конец, сюда попала и Лиза. Просто замечательная картина – я трахаю Линду, а моя жена стоит за моей спиной и смотрит на этот кошмар.

– Давай я тебе кое-что объясню, Влад, если сам ты не понимаешь, – начал дед Карим, когда я отдал ему телефон обратно. – Все это говорит о твоей несерьезности. Я и раньше это замечал, но списывал это на молодость и неопытность. Ты вел себя, как слон в посудной лавке. Будто ты мажор какой-то. Все эти цацки твои, вся эта показная роскошь говорит о тебе только то, что ты человек, с которым нельзя решать серьезные вопросы. Но теперь я еще вижу, как ты отно-

сишься к близким, к тем, кто тебя любит и благодаря кому ты вообще имеешь то, что имеешь. Жена, Влад, это не просто женщина, которая живет рядом с тобой, я не буду говорить, что это какая-то там пресловутая вторая половина, нет, человек не должен быть половинчатым, он должен быть цельным. Но жена – это основание – это незыблемый тыл, и большое счастье найти такую женщину, которая будет с тобой и в богатстве, и в бедности, для которой твоя жизнь будет не менее ценна, чем ее собственная. А Лиза именно такая.

Я молчал. Я не знал, что сказать, и каждое его слово резало меня, словно нож. А дед Карим тем временем продолжал:

– Как можно тебе доверять, если ты способен так просто предать самого близкого человека? Ты debil, Владик, если думаешь, что мир, в который я тебя привел, состоит только из роскоши: тёлк, яхт, машин и бриллиантов. Все это шелуха. Посмотри на меня.

Я глянул на него и пересекся с ним взглядом. Этот взгляд сложно было вынести, и я уставился в землю перед собой.

– Со всем уважением, но я все заработал своим умом, вряд ли меня можно сравнить с мажором. Я работал как проклятый, чтобы иметь, что имею, – попытался я защититься.

– Заработал, да все просрал. И не в вакууме ты находишься, пока, как ты говоришь, работал как проклятый. Подумай, получилось бы у тебя, если бы не Лиза?

– Не понимаю, почему вы ее сюда тянете, словно без нее я не справлюсь.

– Может, и справишься. Может, и без меня справишься. Вопрос-то не в том, что и как ты будешь делать без близких, а в том, что у твоих близких нет больше к тебе доверия. Я же не говорю тебе, что все – твоей карьере конец. Я только говорю тебе, что лично я с тобой пока никаких дел иметь не хочу. Ты показал себя как человек ненадежный, человек без стержня. И об этом знает теперь не только Лиза, не только я, но и все вообще кто тебя знает. Благодаря этому видео. Теперь твой удел в нашем мире, только такие же как ты. Это тоже мир, в нем тоже есть свои возможности. Может, тебе даже в нем понравится. Быть героем светских хроник, мелькать в новостных заголовках, позволять обсуждать твою личную жизнь и копаться в твоём грязном белье, – я заметил, как он поморщился, будто от этих слов повеяло нечистотами. – Быть человеком без совести, быть человеком без чести – это тоже путь, Влад. Вопрос только, куда тебя этот путь приведет. В общем, я не хочу иметь дела с человеком без чести. Ты не Лизу обесчестил своим предательством. Ты обесчестил себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.